

Я $\frac{144}{437}$

R

$\frac{144}{437}$

2/5

Я $\frac{144}{437}$

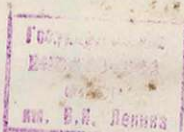
СТИХОТВОРЕНИЯ

ЮЛИИ ЖАДОВСКОЙ.

~~САНКТ-ПЕТЕРБУРГЪ~~

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1858.



18577-66

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С. Петербургъ. 21 Февраля, 1858 года.

Ценсоръ *Д. Мацкевичъ.*



ВЪ ТИПОГРАФІИ ЭДУАРДА ПРАЦА.



2011110063

ОГЛАВЛЕНІЕ.

I.

| | СТР. |
|--|------|
| (1845 г.) «Лучшій перлъ таятся» | 1 |
| Приближающаяся туча | 2 |
| Молитва | — |
| Воляной | 3 |
| Возвратъ весны | 4 |
| Притворство | 5 |
| Вечерняя мысль | — |
| Совѣтъ | 6 |
| «Миѣ грустно; осеннее небо угрюмо» | 7 |
| «Ты скоро меня позабудешь» | 8 |
| Молитва | 9 |
| Въ сумерки | 10 |
| Сожалѣніе | 11 |
| Вечерь и утро | 12 |
| Теперь не то | 13 |
| Искушеніе | 14 |
| Двѣ сестры | 15 |
| Я плачу | 17 |
| (1846 г.) «Я все еще его, безумная, люблю» | 18 |
| «Что такъ неожиданно» | — |
| Русалка | 19 |
| Вечерь | 21 |
| Исторія цвѣтовъ | 22 |
| «Опять спокойно надо мной» | 23 |
| «Я люблю смотрѣть» | 24 |

| | стр. |
|--|------|
| Молитва | 25 |
| Ангель-Хранитель | 26 |
| Дитя | 27 |
| Невыдержанная борьба | — |
| Ночь | 28 |
| (1847 г.) «Все ты уносишь, нещадное время» | 29 |
| Ребенку (дума). | — |
| Вопросъ о счастиі | 31 |
| Тяжелый часъ | 32 |
| Ноктурно | — |
| Жажда небеснаго | 33 |
| Монологъ | 34 |
| Бабушкинъ садъ | 35 |
| «Много капель свѣтлыхъ» | 36 |

II.

| | |
|--|----|
| «Я вновь полна чудесныхъ звуковъ» | 39 |
| Никто не виноватъ | — |
| Прощай | 41 |
| Облака | 42 |
| Возрожденіе | — |
| Сила звуковъ | 43 |
| Отвѣтъ С. А. Н. | 44 |
| «Не бросай ты цвѣтовъ» | — |
| Необходимое притворство | 46 |
| «Ты всюду предо мной: повѣтъ ли весна» | 47 |
| Э. И. Губеру | 48 |
| Вѣрь — не вѣрь | — |
| «Вчера, уединясь съ тобой въ саду тѣнистомъ» | 50 |
| «Чудная минута» | 51 |
| «Все бы я теперь сидѣла да глядѣла» | — |
| Вечернія думы | 53 |
| Письмо | 56 |
| Дума | 58 |
| (1848 г.) Пробужденіе сердца | 60 |

| | СТР. |
|--|------|
| Разная участь | 66 |
| «Люди много мнѣ болтали» | 67 |
| «Ты спросила отчего я» | 68 |
| «Любви не можетъ быть межъ нами» | 69 |
| Скучный вечеръ | 70 |
| «Ночь. Все тихо, только звѣзды» | 71 |
| Для милыхъ | 72 |
| Отсутствующему другу | 73 |
| «Грустная картина» | 74 |
| Чары вечера | 76 |
| «Ты меня позабудешь не скоро» | 79 |
| Ель. (Изъ Фрейлинграта) | 80 |
| «Ночь... Чу! въ садъ тѣнистый» | 82 |
| (1849 г.) Письмо. (М. П. В.). | 83 |
| Вечеромъ. | 84 |
| Скоро весна. | 86 |
| Прощай. (Изъ Уланда). | 87 |
| Вечернее небо. (Изъ Зейлица) | — |
| Изъ Гейне: «Мѣсяцъ всталъ» | 88 |
| (1850 г.) И. С. А—ву | 89 |
| Мигъ обновленія | 90 |
| Т. Г—ой. | 91 |
| Въ столицѣ | 92 |
| «О, съ какой умиленной грустью» | 94 |
| Кто мнѣ родня? | 95 |
| Полночная молитва | 96 |
| (1851 г.) Раннимъ утромъ | 97 |
| «Другъ мой! видишь ли, по небу» | 98 |
| Неутоленная жажда | — |

III

| | |
|---|-----|
| (1856 г.) На пѣснь соловья | 105 |
| «Да, я вижу, — безумство то было» | 106 |
| «Клянуп тебя, слѣпое убѣжденье» | 107 |
| (1857 г.) На пути. | 108 |

| | стр. |
|---|------|
| « Не зови меня безстрастной » | 109 |
| « Увы! и я, какъ Прометей » | 110 |
| « Тихо я бреду одна по саду » | 111 |
| « Они не сердца голосъ страстный » | 112 |
| « Какъ сладко прикинуть миѣ » | 113 |
| « Тотъ , кого любила » | 114 |
| « Здѣсь я, здѣсь, въ благовономъ саду » | 115 |
| « Вижу, въ слезахъ ты! одна за другою » | 116 |
| « Лѣтній полдень страстнымъ зноемъ » | 117 |
| Заколдованное сердце | 118 |
| Нива | 119 |
| « По зеленому лугу гуляя » | 120 |
| Туча | 121 |
| Посѣвъ | 122 |
| « Говорять, — придетъ пора » | 123 |
| « Не даромъ вставила всю жизненную драму » | 124 |
| Видѣніе пророка Іезекіиля | 125 |
| « Не святотатствуй, не грѣши » | 127 |
| Молитва | — |
| Тунеядцамъ | 128 |
| « Не твердилъ онъ миѣ льстивыхъ рѣчей » | — |
| Н. А. Н ву | 131 |
| « Много лѣтъ ладью мою носило » | — |
| (1858 г.) « Чѣмъ ярче шумный пиръ, бесѣда веселій » | 133 |
| « Нѣтъ, никогда поклонничествомъ низкимъ » | 134 |
| (1849 г.) Посѣщеніе | 135 |

I.

1.

* * *

Лучшій перлъ таится
Въ глубинѣ морской ;
Зрѣеть мысль святая
Въ глубинѣ души.
Надо сильно бурѣ
Море взволновать ,
Чтобъ оно, въ бореньи ,
Выбросило перлъ ;
Надо сильно чувству
Душу потрясти,
Чтобъ она, въ восторгѣ ,
Выразила мысль.

II.

ПРИБЛИЖАЮЩАЯСЯ ТУЧА.

Какъ хорошо ! въ безмѣрной высотѣ
Летять рядами облака, чернѣя....
И свѣжій вѣтеръ дуетъ мнѣ въ лице,
Передъ окномъ цвѣты мои качая ;
Вдали гремитъ, и туча, приближаясь,
Торжественно и медленно несѣтся....
Какъ хорошо ! передъ величьемъ бури
Души моей тревога утихаеть.

III.

МОЛИТВА.

Молю Тебя, Создатель мой :
Смири во мнѣ страстей волненье,
Избавь меня отъ искушенья,
Исполни кротости святой !

Отъ грѣшныхъ чувствъ, отъ гордыхъ думъ
Оборони меня, Спаситель, —

И озари мнѣ, Искушитель,
Небеснымъ свѣтомъ бѣдный умъ!

IV.

ВОДЯНОЙ.

Тамъ, гдѣ на рѣкѣ
Мельница шумить,
Разъ я, въ вечеръ тихій,
Стукъ ея колесъ
По зарѣ внимала;
Вдругъ, изъ струй холодныхъ,
Какъ туманъ, съдой,
Надъ рѣкой поднялся
Дядя-Водяной,
Бороду густую
До колѣнъ спустивши,
Зеленые очи
На меня уставя.
Духа водяного
Разсмотрѣть желая,
Я къ шумливой рѣчкѣ
Подходила ближе....
Но всплеснувъ струями
И холодной пѣной

Всю меня обрызгавъ,
Онъ исчезъ въ туманъ.

V.

ВОЗВРАТЬ ВЕСНЫ.

Что въ душу мнѣ такъ дивно льётся?
Кто шепчетъ сладкія слова?
Зачѣмъ, какъ прежде, сердце бьется,
Невольно никнетъ голова?...

Зачѣмъ отрадою нежданной
Опять я, грустная, полна?
Зачѣмъ весной благоуханной
Въ сны счастія погружена?

Надеждъ, уснувшихъ такъ глубоко,
Кто разбудилъ кипучій рой?
Прекрасно, вольно и широко
Кто жизнь раскинулъ предо мной?

Или еще не отжила я
Моей весны всѣхъ лучшихъ дней?
Или еще не отцвѣла я
Душой тревожною моею?

VI.

ПРИТВОРСТВО.

Какъ часто слушаю ничтожный разговоръ
Съ участіемъ притворнымъ я и ложнымъ !
Вниманье полное изображаетъ взоръ,
Но мысли далеко и на сердцѣ тревожно....
Какъ часто я смѣюсь, тогда, какъ изъ очей
Готовы слезы жаркія катиться !...
О, какъ бы я тогда бѣжала отъ людей !
Какъ сладко было-бъ мнѣ, одной, грустить, молиться !

VII.

ВЕЧЕРНЯЯ МЫСЛЬ.

Какъ хорошо ты, вечернее майское небо !
Скоро ужъ полночь, а ты и прозрачно и ясно !
Божьи лампы-звѣздочки теплятся тихо ;
Очи смыкаетъ дремота, но жаль мнѣ закрыть ихъ,
Неба не видѣть ! и сну я предаться боюсь —
Богъ знаетъ, небо ль увижу во снѣ ?...

VIII.

С О В Ъ Т Ъ .

Въ часъ, когда, волнуясь,

Суетныя страсти

Душу помрачаютъ, —

Къ небесамъ лазурнымъ.

Равнодушныхъ взоровъ

Ты не устремляй :

Не найдешь отвѣта,

Не найдешь отрады —

Будетъ лишь укоромъ

Неба чистота :

Звѣзды золотыя

На тебя посмотрятъ

Грустно, непривѣтно ;

Метеоръ огнистый

Горькія мечтанья,

Тяжкія сомнѣнья

Въ сердцѣ зародить.

Но когда душа полна

Тишиной священной,

И когда святыя въ ней

Чувства пробуждаются

И къ добру стремленіе, —
Съ вѣрой и любовію,
На небо взгляни тогда :
Свѣтлыя, прекрасныя,
Дивно-безпредѣльныя
Небеса въ душѣ твоей
Отразятся — счастіемъ
Неземнымъ, невѣдомымъ
Сердце усладятъ тебѣ.

IX.

* * *

Мнѣ грустно ; осеннее небо угрюмо,
На улицахъ слякоть и грязь,
И вѣтеръ послѣдніе листья
Срываетъ съ поблекшихъ деревьевъ.
Я вижу лишь сѣрое небо
Да старые дома, да грязь !
Ни въ чемъ нѣтъ отрады кругомъ —
Ни сладкаго звука, ни милаго слова !...
Мнѣ грустно ; въ прошедшее я загляну :
Тамъ тихо и ясно все было ;
Тамъ рои шумѣли, цвѣты разцвѣтали,
И солнце играло въ ручьѣ ;

Свѣтила луна, распѣвалъ соловей,
Будилъ онъ желанье въ душѣ;
Тамъ сердце спокойно и полно....
Прошло все давно и назадъ не вернется!

Мнѣ грустно; я въ душу свою загляну:
И зла, и добра въ ней довольно!
Въ ней есть и покорность судьбѣ,
Въ ней есть и порывы къ роптанью;
Живетъ въ ней и теплая вѣра,
Заходитъ въ нее и сомнѣнье....
Да, есть въ ней и чувства святыя,
Въ ней есть и желанья земныя;
Всего же въ ней больше — любви!
Любовь въ ней господствуетъ чудно,
И мракъ освѣщаетъ мнѣ жизни,
И сердце мелѣетъ и грѣетъ;
Святое въ немъ все пробуждая!...

X.

* * *

Ты скоро меня позабудешь,
Но я не забуду тебя;
Ты въ жизни разлюбишь, полюбишь,

А я — никого, никогда!
Ты новыя лица увидишь,
И новыхъ друзей изберешь;
Ты новыя чувства узнаешь,
И, можетъ быть, счастье найдешь.
Я — тихо и грустно свершаю,
Безъ радостей, жизненный путь;
И какъ я люблю и страдаю —
Узнаеть могила одна!

XI.

МОЛИТВА.

Къ Тебѣ, Всемогущій,
Съ душой утомленной,
Печальной и мрачной,
Измученной жизнью,
Къ Тебѣ возношусь я
Мольбою усердной:
Пошли, Всеблагой, мнѣ
Отраду святую;
Своей благодатью
Печальное сердце
Мое озари,
И умъ помраченный,

Премудрость святая,
Молю, просвѣти!

ХП.

ВЪ СУМЕРКИ.

Я въ позднія сумерки часто
Сижу у окна и во мракѣ
Пою заунывныя пѣсни
Иль думаю странныя думы,
Иль на домъ сосѣда смотрю я —
И вижу : мгновенно въ немъ окна
Свѣтлѣютъ, и свѣчи мелькаютъ,
Мелькаютъ порой и головки,
Вечернюю жизнь начиная....
Порою мнѣ грустно бываетъ ;
Порой же лучъ свѣта, ко мнѣ пробиваясь,
Счастіемъ тихимъ меня обдаетъ.

XIII.

СОЖАЛѢНІЕ

Какъ западъ запылалъ зарею золотой,
И небо чистое какимъ блаженствомъ дышетъ!
О, какъ прекрасно день веселый умираетъ!
Его я съ тихою, невѣдомой отрадой
Въ нѣмую вѣчность провожаю....
И рада я почти, что нѣтъ въ душѣ моей
Порывовъ и тревогъ, безумнаго волненья,
Любви безъ радости и счастья безъ надеждъ....
Да, рада я, что, съ тишиной вечерней,
Во мнѣ самой становится такъ тихо!
Бывало, прежде, я и плачу, и тоскую,
Надѣюсь и люблю, желаю и мечтаю,
И рвуся въ даль; — бывало, прежде, я....
Нѣтъ! жалко мнѣ прошедшаго безумья
И горькихъ слезъ, и сладкаго страданья!...

XIV.

ВЕЧЕРЬ И УТРО.

Солнце ужь сѣло; зарею пурпурною западъ зажегся;
Небо свѣтло и прозрачно. Люблю въ это время сидѣть я
Передъ открытымъ окномъ, и смотрѣть на вечернюю
зѳрю,

Какъ она, съ каждой минутой, блѣднѣетъ, и звѣзды
Въ небѣ далекомъ одна за другой зажигаются ярко.
Думаю: рады онѣ удаленію жаркаго солнца —
Весело имъ и привольно мерцать безъ него, на сво-
бодѣ;

Люди ихъ видятъ, любятъся ими... Но тише и тише
Шумъ на землѣ, и заря золотая погасла, а звѣзды,
Съ каждой минутой, яснѣй и яснѣе блистаютъ на небѣ;
Тихо и сладостно дышетъ ночной вѣтерокъ, навѣвая
Мысли отрадныя! Какъ мнѣ пріятно сидѣть у окошка,
Воздухомъ теплымъ дышать, любоваться чудесною
ночью! —

Всего же пріятнѣе — думать, мой другъ, о тебѣ.

Спать еще всѣ; но ужь утро въ окно мое смотреть
привѣтно;

Алой зарею востокъ, какъ порфирой, одѣлся, и звѣзды
Гаснутъ поспѣшно одна за другой.... Я съ укромнаго
ложа

Тихо встаю, отряхая съ очей моихъ маки Морфея ;
Въ садикъ зеленый окошко спѣшу отворить : какъ про-
хладно
Утренній воздухъ пахнулъ на меня! — И природа
чего-то
Ждетъ съ нетерпѣніемъ.... Рано по утру люблю на
востокъ я
Съ думою свѣтлой глядѣть — какъ онъ съ каждой ми-
нутой все больше
Золотомъ чуднымъ горитъ.... Но я лучше всего, ми-
лый другъ мой,
Въ эти минуты думать люблю о тебѣ!...

XV.

ТЕПЕРЬ НЕ ТО.

Ужь теперь не то, что было прежде!
Грустно мнѣ, какъ вспомню о быломъ :
Раскрывалась сладко грудь надеждъ
И мечтамъ о счастья земномъ ;

Въ горе я вдавалась безотчетно,
Безъ сознанья радостна была
И впередъ глядѣла беззаботно,
Не страшася ни людей, ни зла.

Ужь теперь не то, что прежде было!
Равнодушно я гляжу на свѣтъ;
Въ сердцѣ грустно стало и уныло,
И желаній прежнихъ больше нѣтъ;

Жизнь теперь я лучше разумѣю:
Счастья въ мірѣ переставъ искать,
Безъ надежды я любить умѣю
И могу безъ ропота терять.

XVI.

И С К У Ш Е Н І Е.

Все спитъ вокругъ меня спокойнымъ, сладкимъ сномъ;
Не сплю лишь я одна въ безмолвіи ночномъ!
Полна томительныхъ съ самой собою битвъ,
Напрасно я ищу спасительныхъ молитвъ,
Напрасно ихъ зову на грѣшныя уста —
Душа моя земнымъ, ничтожнымъ занята!
Ей грустно, тяжело! Есть слезы на очахъ;
Но я ихъ лью.... не о грѣхахъ!

XVII.

ДВѢ СЕСТРЫ.

Одна была жива, рѣзва, безпечна,
На розовыхъ устахъ съ улыбкой вѣчной,
И съ живостью пріятной въ разговорѣ ;
Въ ея разсѣянномъ, блестящемъ взорѣ
Слеза и горесть выражались рѣдко ;
Въ осьмнадцать лѣтъ она была кокетка ,
И взорѣ уже приманивать умѣла
Атласнымъ плечикомъ и ручкой бѣлой.
По членамъ пробѣгалъ невольный тренеть
У ней при звукахъ вальса иль кадрили,
И лесть мужчинъ, притворно-нѣжный лепеть
Порою ей до сердца доходили,
Хоть имъ она не вѣрила, и ловко
Качала, мило такъ, своей головкой ;
Не отягчаясь грустной, тяжелой думой,
На жизнь она глядѣла не угрюмо,
А весело ; и въ розовомъ все цвѣтѣ
Ей представлялось. Такъ на бѣломъ свѣтѣ
Живется хорошо !

Сестра другая....

Она была мила, прекрасна тоже,
И только годомъ съ небольшимъ моложе.

Прекрасна — да : всякъ, на нее взирая,
Мечтамъ предаться былъ готовъ невольно,
А сердцу сладко дѣлалось и больно....
И мнилось, что, съ небесною улыбкой,
На землю ангелъ залетѣлъ ошибкой!
Она тиха, стройна и граціозна;
Ея движенья важны и серьезны;
Рѣчь кроткая, взоръ скромный и печальный,
А голосъ сладостный и музыкальный.
Ей локоны густые осѣняли
Лице; уста порою выражали
Иронію и грусть; она любила,
Когда тоска ей душу тяготила,
Одна остаться, погрузиться въ думы;
Съ отрадою она внимала шуму
Густыхъ деревь и птицъ весеннихъ пѣнью;
Въ волнахъ любила неба отраженье;
Невольную слезу и трепеть груди
Она всегда старалась скрыть... и люди
Ее не понимали! И случалось,
Когда о лучшемъ въ жизни ей мечталось,
Свою головку оперши на руки,
Она въ душѣ вдругъ обрѣтала звуки
Чудесные; ихъ выразить желала;
Но, посмотрѣвъ вокругъ, вздыхала и молчала.

XVIII.

Я ПЛАЧУ.

Я плачу все о томъ, что сердце увядасть,
Что леденить его холодный свѣтъ,
И что его ни что, ни что не оживляетъ,
Что радости исчезнулъ легкій слѣдъ.
Я плачу и о томъ, что сладостной надеждъ,
По прежнему, предаться не могу ;
Что не могу мечтать и плакать такъ , какъ прежде....
И плачу я и слезъ не берегу !
Я плачу и о томъ, что грустно и ничтожно
Проходить быстро молодость моя ;
Что ранняя тоска души моей тревожной
Мнѣ отравила прелесть бытія.
Я плачу и о томъ, что, скучною машиной,
Между людей я, тихо, прохожу ;
Я плачу и о томъ, что въ мірѣ ни единой
Родной души себѣ не нахожу !

XIX.

* * *

Я все еще его, безумная, люблю !
При имени его душа моя трепещетъ ;
Тоска, по прежнему, сжимаетъ грудь мою ,
И взоръ горячею слезой невольно блещетъ .

Я все еще его, безумная, люблю !
Отрада тихая мнѣ душу проникаетъ ,
И радость ясная на сердце низлетаетъ ,
Когда я за него Создателя молю .

XX.

* * *

Что такъ неожиданно
Взоръ твой оживленъ,
И такой невиданной
Нѣжностью зажженъ ?
Чѣмъ тебѣ повѣяло ?
Иль бывшее, другъ,

Что насъ такъ лелѣяло,
Пробудилось вдругъ?
Иль тебѣ вновь видится
Ароматный садъ?
Или снова слышится,
Какъ древа шумять,
Какъ заводитъ сладостно
Пѣсню соловей —
И свѣтло, и радостно
На душѣ твоей?
Будто ожидаешь ты
Снова сладкихъ встрѣчъ,
Будто, вновь, внимаешь ты
Чудную ту рѣчь....
И всеильной властію,
Душу у тебя
Охватила страстію
Вновь любви змѣя?

XXI.

РУСАЛКА.

Робко, къ рѣчкѣ дѣвушка
Подошла съ вѣнкомъ,
И гадала-думала :

Поплыветъ иль нѣтъ?
И вѣночигъ трепетно
Поднесла къ водѣ.
Вдругъ, русалка рѣзвая
Ручкой бѣлоснѣжною,
Ничего не думая,
Унесла вѣнокъ.
И напрасно дѣвушка,
Съ тайнымъ ожиданіемъ,
На воду глядитъ :
Солнце золотое въ ней
Чудно отражается,
Будто бы другіе въ ней
Небеса красуются, —
Но вѣночка нѣтъ, какъ нѣтъ!
И печально голову,
Преклонивъ къ груди,
Вотъ, садится дѣвушка
На берегъ крутой :
Омрачились скорбію
Ясные глаза,
И алмазомъ чистымъ въ нихъ
Свѣтится слеза ;
У другого жъ берега,
Въ тростникѣ густомъ,
Голова виднѣется
Съ ивовымъ вѣнкомъ ; —
Кудри золотистыя

Тихо вѣтръ струить,
И холодный взоръ очей
Радостью блеститъ ;
Солнце отражается
Въ голубой рѣкѣ, —
И смѣется съ злобою
Голова въ вѣнкѣ.

XXII.

В Е Ч Е Р Ъ .

Повсюду тишина : природа засыпаетъ
И звѣзды въ высотѣ, такъ сладостно, горятъ !
Заря на западѣ далекомъ потухаетъ ;
По небу облачка едва, едва скользятъ.
О, пусть моя душа больная насладится
Такою же отрадной тишиной !
Пусть чувство въ ней святое загорится
Вечернею, блестящею звѣздой !
Но отчего я такъ тоскую и страдаю ?
Кто, кто печаль мою пойметъ и усладитъ ?
Я ничего теперь не жду, не вспоминаю ;
Такъ чтожь въ моей душѣ?... Вокругъ меня все спитъ ;
Ни въ чемъ отвѣта нѣтъ.... лишь огненной чертою
Звѣзда падучая блеснула предо мною.

XXIII.

ИСТОРИЯ ЦВѢТОВЪ.

Въ весеннее время,
Цвѣты распускались
Роскошною жизнью :
Отъ чудныхъ листочковъ
Неслись ароматы
И нѣжили чувства ;
Ихъ солнце ласкало ,
Живило и грѣло ;
А ты, въ вечеръ ясный
По саду гуляя —
Ты жадно вдыхала
Ихъ запахъ отраднѣй,
И ручкой лилейной
Ихъ тихо срывала.
Вотъ, къ груди горячей
Безумцы склонялись
И медленно гибли ;
А ты, предаваясь
Мечтамъ перелетнымъ,
Смотрѣла на звѣзды,
О нихъ забывая.
Но счастье умчалось ,

Но солнце сокрылось,
И вѣтеръ осенній
Уныло качаетъ
Печальныя вѣтви
Деревъ обнаженныхъ ;
А ты, по алеѣ
Бродя, одиноко,
Тоскуешь , жалѣешь
О прошломъ блаженствѣ,
О радостяхъ сердца,
Мгновенно-прекрасныхъ ;
На мрачное небо
Порою взираешь,
И ножкой-малюткой
Безжалостно топчешь
Последніе листья
Минутныхъ счастливецъ !

XXIV.

* * *

Опять спокойно надо мной
Сіяютъ небеса,
И безотчетною слезой
Блестятъ мои глаза ;

Опять, опять въ душѣ моей
И тихо, и свѣтло —
Какъ будто счастье прежнихъ дней
Опять ко мнѣ пришло!
И сердце бьется... и полно
Опять любви святой —
Земное въ немъ заглушено
Небесной тишиной!...
И будто : ангелы летять
Въ прозрачной вышинѣ ;
Звѣздами очи ихъ горять
И льютъ отраду мнѣ !

XXV.

* * *

Я люблю смотрѣть
Въ ясну ноченьку,
Какъ горять въ небѣ
Ярки звѣздочки,
Какъ блестить въ лучахъ
Молодой мѣсяцъ —
Въ Волгѣ-рѣченькѣ
Отражается,
Чистымъ серебромъ

Разливается.
Я люблю слушать,
Какъ шумять листы,
Съ вѣтеркомъ ночнымъ
Сладко шепчутся ;
Я люблю слушать,
Какъ журчатъ струи,
Къ берегамъ рѣки
Рѣзво ластятся ;
И когда всѣ спять
Сладкимъ, крѣпкимъ сномъ, —
Миѣ не хочется
Покидать окна,
Миѣ не хочется
Перестать глядѣть
Въ небо свѣтлое,
Въ Волгу-рѣченьку !

XXVI.

МОЛИТВА.

Міра Заступница, Матерь всецѣтая !
Я предъ Тобою съ мольбой :
Бѣдную грѣшницу, мракомъ одѣтую,
Ты благодатью прикрой.

Если постигнуть меня испытанія,
Скорби, утраты, враги —
Въ трудный часъ жизни, въ минуту страданія,
Ты мнѣ, молю, помоги!

Радость духовную, жажду спасенія
Въ сердце мое положи;
Въ царство небесное, въ міръ утѣшенія
Путь мнѣ прямой укажи!

XXVII.

АНГЕЛЪ ХРАНИТЕЛЬ.

Я видѣла Тебя души моей очами :
Ты радостенъ, Ты чуденъ, свѣтелъ былъ,
И, окруженъ небесными лучами,
На небеса свой взоръ съ любовью возводилъ.
Твой кроткій ликъ сіялъ святымъ привѣтомъ,
Ты осѣнялъ меня спасительнымъ крыломъ....
Какимъ божественнымъ, отраднымъ, дивнымъ свѣтомъ
Ты былъ проникнуть весь, въ величьи не земномъ!
Я съ тихимъ трепетомъ на свѣтлаго взирала, —
И все въ моей душѣ, восторженной, молчало.

XXVIII.

Д И Т Я .

Съ какой печальною, смущающею думой,
Малютка предъ тобой безмолвно я стою !
Ахъ, чувства тяжкія волнують грудь мою !
Здѣсь, въ этой комнаткѣ, удалена отъ шума,
Здѣсь я могу, дитя, не скрыть слезы моей
И при тебѣ излить тоску мою могу я ;
Но ты играй, мой другъ ; пытающихъ очей
Ко мнѣ не обращай, и лаской поцѣлуя
Мнѣ горя усладить не покушайся ! Дай
Поплакать мнѣ одной, въ тиши ; не узнавай
О чемъ я плачу такъ, о чемъ я такъ страдаю,
Зачѣмъ отъ всѣхъ свои страданія скрываю !
Ты такъ же слезъ моихъ, какъ люди, не поймешь ;
Но, какъ они, ты ихъ, мой другъ, не осмѣешь....

XXIX.

НЕВЫДЕРЖАННАЯ БОРЬБА.

Боролась я долго съ суровой судьбой —
Душа утомилась неравной борьбой !

Всей силой надежду я въ сердцѣ хранила ;
Но силы не стало — судьба ихъ убила ;
И я, съ затаенной глубоко тоской ,
Склонилась смиренно предъ мощной судьбой.
Что дѣлать ? Мнѣ стыдно и грустно, и больно....
И люю я горячія слезы, невольно.

XXX.

Н О Ч Ь .

Вѣетъ тихо, вѣетъ сладостно
Мнѣ дыханье вѣтерка ;
Свѣтятъ звѣзды въ небѣ радостно ;
Отражаетъ ихъ рѣка ;
И, въ раздумьи, наклонились
Вѣтви гибкія деревъ ;
И, какъ звѣзды, засвѣтились
Свѣтляки среди кустовъ.
Дышетъ все святой отрадою
На землѣ и въ вышинѣ ;
Ночь весенняя, прохладною,
Освѣжаетъ сердце мнѣ.
Что-то въ душу чудно просится,
Проникаетъ въ глубину,
И, невольно, мысль уносится

Все туда, все въ вышину!
Вѣтъ тихо, вѣтъ сладостно
Мнѣ дыханье вѣтерка;
Свѣтять звѣзды въ небѣ радостно...
Спать на днѣ души тоска!

XXXI.

* * *

Все ты уносишь, нещадное время —
Горе и радость, дружбу и злобу;
Все забираешь всеильнымъ полѣтомъ;
Что же мою ты любовь не умчало?
Знать позабыло о ней ты, сѣдое;
Пли ужь слишкомъ глубоко мнѣ въ душу
Чувство святое запало, что взоръ твой,
Видящій все, до него не проникнуть?

XXXII.

Р Е Б Е Н К У

(Д У М А).

Ты сладко спишь теперь, прекрасное дитя;
Ты улыбаешься безпечно и свободно.
Спи, ангелъ мой, пока делѣютъ сны тебя,

Пока язвительнымъ дыханьемъ свѣтъ холодный
Еще твоей души невинной не затмилъ!
Я съ грустнымъ на тебя участіемъ взираю,
И угадать, мой другъ, судьбу твою желаю:
Что въ мірѣ для тебя Творецъ опредѣлилъ?
Пойдешь ли въ жизни ты дорогой гладкой, ровной,
Безъ сильныхъ чувствъ и безъ блестящихъ грезъ,
И не стремясь поднять ея завѣсы тѣмной,
Не будешь знать тоски, мученья, горькихъ слезъ?
Иль вдругъ безумныя желанія родятся
Въ душѣ, взволнованной и жаждущей, твоей,
И строгіе въ умѣ вопросы зароятся?
И съ сожалѣньемъ ли ты будешь на людей
Смотрѣть, мой милый другъ, иль чуждый ихъ утѣхъ,
И полный мрачнаго на нихъ негодованья,
Возненавидишь ихъ нелѣпый судъ и смѣхъ,
Всѣ ихъ ничтожныя, нелѣпныя страданья?
И муки тайныя, душевныя твои,
И сердца скорбнаго тяжелое волненье
Придутъ ли замѣнить — святое наслажденье,
Очарованія и радости любви?
Иль будешь все искать, напрасно и бесплодно,
Ты счастья высшаго, и правды, и добра,
Встрѣчая ложь одну, или расчетъ холодный?
Тогда, дитя, мнѣ жаль тебя!... Была пора,
Когда и на меня задумчиво смотрѣли, —
И также угадать судьбу мою хотѣли!...

XXXIII.

ВОПРОСЪ О СЧАСТІИ.

Прекрасенъ, порою, міръ Божій бываетъ !
Сегодня, проснувшись, окно я открыла :
Создатель ! какъ чудно свѣтило мнѣ солнце !
Сирень распустилась роскошно, и, будто
Привѣтствуя утро, легонько вѣтвями
Въ окно мнѣ кивала ; исполнены жизни
И тайны, зеленые листья тѣснились
Вкругъ вѣтокъ лиловыхъ — ихъ шопотъ мнѣ чуднымъ
Казался и въ сердце струился отрадой.
Склонясь на окошко, я странному чувству
Тогда предалась : весь міръ разцвѣтая,
Съ любовію, мнилось, мнѣ въ душу тѣснился ;
И что же ? весь міръ обнимая душою,
Я сердцемъ чего-то искала напрасно !
Цвѣты, дерева, небеса вопрошала —
Безмолвно синѣло далекое небо ;
Деревья шумѣли, какъ будто сердито,
Цвѣты же печально головки склоняли...
Отвѣтъ поняла я, и грустно сказала :
Прекрасенъ, порою, міръ Божій бываетъ,
Но жалко, что счастья въ немъ нѣтъ !

XXXIV.

ТЯЖЕЛЫЙ ЧАСЪ.

Что чувствовала я въ минуту роковую,
И сколько я въ тотъ часъ перестрадала —
То знаетъ Богъ, то знаетъ это сердце!
Казалось, все во мнѣ убито было;
Способность лишь страдать одна мнѣ оставалась —
Способность жалкая! Я все пережила....
Я думаю, что самый смерти часъ
Не можетъ быть труднѣе и ужаснѣй.
Смерть — что она? Покой, забвенье, сонъ,
Блаженство, можетъ быть.... а въ ту минуту
Ни умереть и ни уснуть я не могла!

XXXV.

НОКТУРНО.

Полночь глухая. Ты думаешь : все ужь уснуло,
Все тихо, и міръ, какъ кладбище, безмолвень.
Неправда! Прислушайся : шепчуть въ просонкахъ де-
ревья,

Кузнечикъ въ высокой травѣ распѣваетъ.
Прислушайся къ сердцу : безмолвно ль оно ?
Прислушайся къ думамъ своимъ : молчить ли твой
умъ ?
Мой другъ ! въ нашей жизни нѣтъ тишины совершен-
ной ;
Безмолвна лишь смерть ; но и въ этомъ безмолвьи
Отыщешь ты нѣчто такое, что страшно
И сладко, и чудно душѣ говорить !

XXXVI.

ЖАЖДА НЕБЕСНАГО.

Исцѣли меня, Благодѣтель превѣчная !
Исцѣли мои раны сердечныя !
Предъ Тобою я въ прахѣ лежу
И небесной отрады прошу.

О, возьми Ты всѣ блага ненужныя,
Услади мою душу недужную,
И божественной силой любви
Благотворно меня оживи.

Уничтожь во мнѣ, силой чудесною,
Все земное ; пошли мнѣ небесное !

О небесномъ молю я въ тиши —
Не отвергни моленій души!

XXXVII.

М О Н О Л О Г Ъ .

Куда сложить тяжелый грузъ души?
Кому повѣдать скорбь, гнетущую мнѣ сердце?
Вокругъ меня людей знакомыхъ много,
И многіе меня бы стали слушать;
Но гдѣ найду я теплое участие?
Гдѣ душу обрѣту, съ сочувствіемъ отраднымъ,
Которая со мной всѣ радости и горе
Понять и раздѣлить могла бы непритворно?
Кому я укажу на это небо,
Покрытое блестящими звѣздами?...
Мнѣ скажутъ равнодушно: хорошо —
И не поймутъ души моей волненья!
Да, не поймутъ, какъ всю меня проникла
Непостижимая и тайная отрада,
Какъ съ каждой ярко-блещущей звѣзды
Потокомъ огненнымъ въ меня струятся чувства,
Какъ мой языкъ съ невольнымъ увлеченьемъ
Тревожныя лепечетъ рѣчи,
И слезы медленно изъ глазъ моихъ катятся...
И еслибъ кто увидѣлъ эти слезы —

Съ какой улыбкою взглянулъ бы тотъ на нихъ,
Съ какой холодностью-бъ спросилъ: о чемъ я плачу?
Потомъ съ насмѣшкою невыносимо-глухой
Меня бы онъ мечтательницей назвалъ!...
Кто жь объяснить души моей волненье?

XXXVIII.

БАБУШКИНЪ САДЪ.

Ахъ, бабушкинъ садъ!
Какъ счастливъ, какъ радъ
Тогда я бывалъ,
Какъ въ немъ я гулялъ,
Срывая цвѣты
Въ высокой травѣ,
Лелѣя мечты
Въ моей головѣ....
Ахъ, бабушкинъ садъ!
Живой ароматъ
Цвѣтущихъ кустовъ;
Прохладная тѣнь
Высокихъ деревъ,
Гдѣ вечеръ и день
Просиживалъ я,
Гдѣ сладко меня
Лелѣяла лѣнь....

Ахъ, бабушкинъ садъ!
Какъ былъ бы я радъ
Опять погулять,
Опять помечтать
Въ завѣтной тѣни,
Въ отрадной тиши —
Все скорбные дни,
Все горе души
На мигъ позабыть,
И жизнь полюбить!

XXXIX.

* * *

Много капель свѣтлыхъ
Въ сине море падаетъ ;
Много искръ небесныхъ
Людямъ посылается.
Не изъ каждой капли
Чудно образуется
Свѣтлая жемчужина,
И не въ каждомъ сердцѣ
Искра разгорается
Пламенемъ живительнымъ !

II.

1870
1871
1872
1873
1874
1875
1876
1877
1878
1879
1880

II

1881
1882
1883
1884
1885
1886
1887
1888
1889
1890

XL.

* * *

Я вновь полна чудесныхъ звуковъ
И сладкихъ пѣсень старины :
Какъ прежде, душу мнѣ объемлютъ
Надеждъ, любви святыя сны !

Что жъ ? сердце ихъ принять готово —
Готово въ прошломъ погостить,
И въ области мечты волшебной
Земное горе позабыть....

XLI.

НИКТО НЕ ВИНОВАТЬ.

Никто изъ насъ, никто не виновать :
Ни ты, ни я, — судьба ужъ такъ рѣшила ! —
Судьба страшна, всесильна, говорятъ, —

Она и насъ съ тобою разлучила.
Не виновать, мой другъ, не виновать и ты,
Что на душѣ твоей любовь остыла ;
И я не виновата, что мечты
Безумной юности такъ долго сохранила ;
Что свѣтятся онѣ отрадно предо мной,
Повсюду слѣдуютъ за мной неотразимо,
И что надъ этой грустной пустотой
Горить любовь звѣздой неугасимой.

Ахъ, эта жизнь своею тишиной
Меня томить какъ страшное видѣнье !
Какъ будто смерть летаетъ надо мной....
Желанна буря мнѣ, какъ грѣшнику спасенье.

Вотъ, чтó теперь на память мнѣ пришло
Изъ дѣтства дней, почти забытыхъ мною :
Поляну помню я ; на ней росло
Цвѣтовъ такъ много, яркою весною.
Но не весенніе, душистые цвѣты
Меня туда, ребенка, привлекали :
Среди поляны той два дерева стояли ;
И сладостно шептали ихъ листы,
И мѣрно вѣтви ихъ зеленыя кивали.
Они росли одинъ къ другому близко ; но
Ни какъ коснуться не могли другъ друга, —
Знать, было такъ судьбою суждено. —
Вотъ, поднялась, однажды, туча съ юга,

И близилась. Въ молчаніи ждала
Ее усталая природа. Торопливо
Летали птицы; спряталась пчела;
Замолкъ деревьевъ разговоръ шумливый....
И грянулъ громъ, и полилъ дождь ручьемъ.
Я видѣла, какъ бурный вихоръ жадно
Моихъ любимцевъ охватилъ, — какъ послѣ,
Сомкнувъ ихъ вѣтви, вырвалъ безощадно
Опъ съ корнемъ одного и бросилъ далеко....
Съ тѣхъ поръ всегда, малюткѣ, мнѣ казалось,
Что уцѣлѣвшее страдаетъ глубоко,
Что утромъ не росой, — слезами обливалось;
Что счастье его на вѣкъ отравлено, —
Что, бѣдное, все бури ждетъ оно....

XII.

П Р О Щ А Й.

Прощай! не нужно мнѣ участя:
Не жалуясь, не плачу я.
Тебѣ — вся прелесть бытія,
Тебѣ — весь блескъ земного счастья,
Тебѣ — любовь, тебѣ — цвѣты,
Тебѣ — всѣ жизни наслажденья; —
Мнѣ — сердца тайныя мученья

Да безотрадныя мечты.
Прощай! пришла пора разлуки....
Иду въ печальный, долгій путь....
Богъ вѣсть, придется-ль отдохнуть
Мнѣ здѣсь отъ холода и скуки!

XLIII.

О Б Л А К А .

Смотрю на облака, безъ мысли и безъ цѣли....
Опять вы, легкіе, съ весною прилетѣли!
Опять вы, вольные, по выси голубой,
Воздушной, свѣтлою гуляете грядой;
Опять гляжу на васъ печальными очами, —
И какъ желала-бъ я помчаться вслѣдъ за вами!

XLIV.

В О З Р О Ж Д Е Н І Е .

Во мглѣ печальныхъ заблужденій,
Въ тяжеломъ снѣ душа была,
Полна обманчивыхъ видѣній;
Ее тоска сомнѣнья жгла.

Но ты явился мнѣ; сурово
Съ очей души завѣсу снялъ,
И вѣщее промолвилъ слово,
И мракъ сомнѣнья разогналъ.

Явился ты, мой геній грозный,
Разоблачила добро и зло,
И стало на душѣ свѣтло —
Какъ въ ясный день.... зимы морозной....

XLV.

СИЛА ЗВУКОВЪ.

Изъ ума у меня не выходитъ
Все та пѣсня, что пѣли вчера;
Все мнѣ грустныя думы наводитъ,
Все звучитъ мнѣ страданьемъ она.
Я сегодня работать хотѣла;
Но лишь только иголку взяла,
Какъ въ глазахъ у меня потемнѣло,
И склонилась на грудь голова;
Какъ недугомъ лихимъ охватило
Тѣми звуками душу мою,
И болѣзненно сердце заныло....
Я шепчу все: «люблю я, люблю»!...

XLVI.

ОТВѢТЪ С. А. Н.

Нѣтъ, не моей печальной, бѣдной лирѣ
Подобные восторги пробудить!
Не ей, въ холодномъ, скучномъ этомъ мѣрѣ,
Святой огонь сочувствія разлить....

Но твой привѣтъ, отрадный и неожиданный,
Меня отрадой свѣтлой подарилъ;
Но жаръ хвалы твоей благоуханной
Тревожную мнѣ душу освѣжилъ.

Такъ, иногда, въ день осени ненастной,
Внезапно лучъ живительный блеснетъ, —
И радостью кругомъ живой и ясной
Печальную природу обольетъ.

XLVII.

* * *

Не бросай ты цвѣтовъ
Въ воду быстрой рѣчки :

Унесутся волной
Незабудки твои.
Вѣдь, подумай, цвѣтокъ
И красивъ, и легокъ, —
Оттого и скользитъ
По струѣ голубой;
Оттого и бѣжитъ
Въ безконечную даль.
Брось же камень въ рѣку, —
Онъ на дно упадетъ,
И, какъ сердце тоску,
Его глубь бережетъ.
Вотъ, и жизни потокъ
Все, что радуешь насъ,
Какъ волна твой цвѣтокъ,
Увлечетъ далеко.
Уплываютъ цвѣты,
Улетаютъ мечты,
И въ нѣмой глубинѣ
Остаются на днѣ
Только камни одни.

XLVIII.

НЕОБХОДИМОЕ ПРИТВОРСТВО.

Я въ душѣ огорчена глубоко,
Я готова горько зарыдать ;
Но сейчасъ ко мнѣ придуть чужіе, —
Я должна съ улыбкой ихъ встрѣчать.

Не сказать же имъ, что душу мучить,
Не сказать, какъ я оскорблена ;
Я должна предъ ними улыбаться,
Я при нихъ веселой быть должна.

Какъ мнѣ быть веселой, улыбаться,
Если грудь моя тоски полна,
Если ловко, тонко и прилично,
Но глубоко я оскорблена ?

Если все во всемъ мнѣ измѣняетъ,
Всюду вижу пошлость и обманъ?...
О, какъ трудно, грустно и обидно
Мнѣ скрывать всю боль сердечныхъ ранъ !

Какъ-то справлюсь я съ моею ролью ?
Какъ-то слезы, горе утаю ?

Какъ-то скрою отъ людей и свѣта
Я печаль душевную мою ?

Ничего, — немножко только воли,
И исчезнуть слезы на глазахъ;
Ничего.... еще одно усилье, —
И мелькнетъ улыбка на устахъ !

XLIX.

* * *

Ты всюду предо мной : повѣтъ ли весна,
Я чувствую тебя въ ея отрадѣ тайной ;
Любуюсь ли цвѣткомъ, я ужь тоски полна, —
Я мыслю о тебѣ ; заброситъ ли случайно
Холодная луна свой блѣдный лучъ ко мнѣ,
Иль кроткая звѣзда вечерняя сіяетъ, —
Все это мнѣ тебя, мой другъ, напоминаетъ.
Я плачу о тебѣ въ печальной тишинѣ.
Тоской, любовію, разлукою томима,
Вся жизнь моя — безсильная борьба....
Меня гнететъ недугъ неисцѣлимый
И неизбежный какъ судьба....

L.

Э. И. ГУБЕРУ.

Средь прозаическихъ заботъ,
Средь глупостей провинціальныхъ,
Улыбокъ, минъ официальныхъ,
Сквозь скуки и приличій ледъ,
Визитовъ, сплетенъ лабиринтъ, —
Блеснулъ мнѣ вашъ привѣтъ радушный.
Однажды такъ, дорогой скучной,
Расцвѣтшій пышно гіацинтъ,
На грязной станціи, мелькнулъ
Передо мной. Забывъ усталость,
Цвѣткомъ я долго любовалась....
Онъ мнѣ поэзіей пахнулъ.

II.

ВЪРЬ — НЕ ВЪРЬ.

Срывай цвѣты душистые;
Пей взорами лазурь небесъ;
Дремли, мой другъ, подъ шумъ деревъ,

Подъ шумъ деревъ развѣсистыхъ ;
Дремли, — не вѣрь, что счастье
Уйдетъ, пройдетъ, какъ облачко, —
То облачко летучее,
Съ крайками золочеными
И съ серединой темною....
Ахъ, вѣрь — не вѣрь, — придетъ пора —
Печальная, ненастная :
Цвѣты возьметъ, листы сорветъ,
Разгонитъ птицъ, нагонитъ грусть,
Завоетъ пѣснь унылую....

Люби, мой другъ, довѣрчиво,
Лелѣй мечту летучую.
Люби, — не вѣрь, что молодость
Уйдетъ-мелькнетъ, какъ звѣздочка, —
Та звѣздочка падучая,
Которой посылала ты
Вчера желанье жаркое.
Ахъ, вѣрь — не вѣрь, — придетъ пора —
Суровая, холодная :
Мечты возьметъ, любовь убьетъ,
Отравитъ злой насмѣшкою
Кумиръ души и юности.

III.

* * *

Вчера, уединясь съ тобой въ саду тѣнистомъ,
Сидѣли мы вдвоемъ, подъ сводомъ неба чистымъ, —
Сидѣли, погружаясь въ обычныя мечты.
Склоняясь на грудь мою, свои желанья ты
Передавала мнѣ. И твой безпечный лепетъ
На душу мнѣ навелъ отрадный, сладкій трепетъ...
Всю жизни пустоту забыла я съ тобой :
Въ душѣ моей вился твоихъ мечтаній рой. —
Такъ слушаетъ дитя болтливой няни сказки,
И вѣритъ имъ вполне, смыкая тихо глазки.
Видѣнья чудныя его лелѣютъ сонъ :
Ребенокъ въ золото и нѣгу погруженъ ; —
А въ комнаткѣ его, и маленькой, и бѣдной,
Едва мелькаетъ лучъ лампы тихій, блѣдный,
Что предъ иконами старинными горитъ,
Да няня старая въ углу спокойно спитъ...

ЛІІІ.

* * *

Чудная минута!
Будто счастья жду я.
И мечты слетають,
Нѣжа и чаруя.
Какъ на чувства сердце
Въ этотъ мигъ не скупо! —
Я готова плакать,
Какъ это ни глупо....
Что жь? — никто не видитъ....
Лейтесь слезы смѣло!
Мѣсяцу съ звѣздами
Что до васъ за дѣло?...

LIV.

* * *

Все бы я теперь сидѣла да глядѣла!
Я глядѣла бы все на ясное небо,
На ясное небо да на вечернюю зѣрю, —

Какъ заря на западѣ потухаетъ,
Какъ на небѣ зажигаются звѣзды,
Какъ вдали собираются тучи,
И по нимъ молнья пробѣгаетъ....
Все бы я теперь сидѣла да глядѣла :
Я глядѣла бы все въ чистое поле, —
Тамъ, вдали, чернѣетъ лѣсъ дремучій,
А въ лѣсу гуляетъ вольный вѣтеръ,
Деревамъ чудныя рѣчи шепчетъ....
Эти рѣчи для насъ непонятны ;
Эти рѣчи цвѣты понимаютъ, —
Имъ внимая, головки склоняютъ,
Раскрывая душистые листочки....
Все бы я теперь сидѣла да глядѣла !...
А на сердцѣ тоска, будто камень,
На глазахъ пробиваются слезы...
Какъ, бывало, глядѣла я другу въ очи, —
Вся душа моя счастьемъ трепетала,
Въ моемъ сердцѣ весна разцвѣтала,
Вмѣсто солнца любовь свѣтила....
Вѣкъ бы цѣлый на него я глядѣла !...

LV.

ВЕЧЕРНІЯ ДУМЫ.

1.

Когда я у окна задумчиво сижу,
И взоромъ облако вечернее слѣжу,
Иль вѣтромъ сломленную вѣтку,
Иль сквозь деревъ причудливую сѣтку
Любуюсь яркою, вечернею зарей,
Иль отразившейся въ водахъ рѣки звѣздой, —
За чѣмъ въ моихъ глазахъ ты ищешь выраженья,
Глубокихъ, тайныхъ думъ, порыва вдохновенья? —
Въ то время, мысленно, стиховъ я не пишу,
А просто воздухомъ съ отрадою дышу,
И думаю о томъ, что вечеръ тихъ и ясенъ,
Что Божій міръ, порой, и чуденъ, и прекрасенъ,
Что въ жизни счастье есть; и вижу сладкій сонъ....
Тебѣ покажется смѣшенъ и страненъ онъ....

2.

Я все хочу разслушать,
Что говорятъ онѣ,
Вѣтвистыя березы,

Въ полночной тишинѣ?...
Все хочется узнать мнѣ,
Зачѣмъ ихъ странный шумъ
Наводитъ мнѣ такъ много,
Такъ много сладкихъ думъ?
Все хочется понять мнѣ,
О чемъ, въ тѣни вѣтвей,
Поетъ, съ такимъ восторгомъ,
Волшебникъ-соловей? —
Вотъ, отчего такъ долго,
Такъ долго и одна,
Въ часы прохладной ночи,
Сижу я у окна.
Вотъ, отчего, такъ часто,
Въ бесѣдѣ я живой,
Вдругъ становлюсь печальной,
Недвижной и нѣмой.

3.

Пой, дитя ; пускай твой голосъ
Крики сердца заглушить ;
Сладко мнѣ глядѣть на небо,
Гдѣ звѣзда твоя горитъ.
Пой, дитя ; пускай отравя
Эти звуки для меня,
Это сладкая отравя,
Это счастье.... пой, дитя !

Пой... пускай зажжетъ желанье
Голосъ твой въ душѣ моей,
Пусть пробудитъ въ сердцѣ муки,
Выжметъ слезы изъ очей, —
Пой, не бойся : эти слезы
Добрый признакъ для меня, —
Это жизни проявленье,
Это жизнь, мое дитя !

4.

Гдѣ ты теперь, въ часъ вечера туманный ?
Глядишь ли съ грустію на гаснущій закатъ,
Одинъ, съ мечтой своей упрямой и желанной,
Иль, оттолкнувъ ее, ты новой гостьѣ радъ ?
Въ бесѣдѣ ли друзей простой и откровенной,
Не видишь пламени вечерня зари ;
Или съ подругою , въ тѣни уединенной ,
И тихо говоришь ей : « другъ мой ! посмотри,
Какъ тѣнь деревъ густа , какъ сводъ небесный ясенъ,
Какъ хороши цвѣты, облитые зарей,
Какъ милъ мнѣ голосъ твой , какъ свѣтлый взоръ пре-
красень !... »
Ну, что-же ? рада я.... Будь счастливъ , Богъ съ то-
бой....

LVI.

П И С Ь М О .

1.

Тепло, свѣтло кругомъ — такая же весна,
Какъ годъ тому назадъ, надъ міромъ вѣтъ ;
Благоуханьемъ розъ и резеды полна
Вся комната ; ихъ тоже солнце грѣтъ ; —
Лишь я не та : печальна, холодна,
Меня теперь не тѣшитъ, не лелѣтъ
Природы пиръ ; — на немъ еще грустнѣй,
Усталой и больной душѣ моей.

2.

Но, подивись, что въ этотъ чудный день,
Мнѣ вдругъ пришло горячее желанье
Писать къ тебѣ : мою ты знаешь лѣнь.
Причиною тому воспоминанье :
Оно, мелькнувъ, какъ облачко, какъ тѣнь,
Расшевелило стихшее страданье, —
И я полна непрошеной тоской....
Её-ль не выскажу передъ тобой ?

3.

Смотря на эти пышные цвѣты,
Я вечеръ вспомнила одинъ ненастный....
Смѣшно? не правда ли смѣешься ты?
Моя-жь душа полна тоскою страстной,
Мнѣ жаль моей погибшія мечты....
И, кажется, я слышу вновь ужасный
Вой зимней вьюги; стукъ ставней;
Старушку вижу, карты передъ ней.

4.

И, кажется, что я счастлива вновь....
И, какъ тогда, *его* я ожидаю,
И страшно мнѣ! меня томить любовь;
Я пѣснямъ вѣтра трепетно внимаю,
И то горить во мнѣ, то стынетъ кровь!...
Но... я, не правда-ль, о смѣшномъ болтаю?...
Прочь, глупыя мечты, пустая страсть!
Кто далъ вамъ надо мной такую власть?

5.

Прочь, призраки обманчивые! вы,
По прежнему, меня не обольстите,
Не отуманите тревожной головы....

Чего еще вы отъ меня хотите?
Не оживить подкошенной травы
Лучъ солнца! — Вы меня не оживите!
Я, безъ надеждъ, встрѣчаю каждый день,
И стало жить мнѣ тяжело и лѣнь.

6.

Да, лѣнь мнѣ жить! Пускай, пускай весна
Цвѣты и счастье всюду щедро сѣбѣ, —
Я равнодушiемъ и скукою больна, —
Мнѣ радостью весна ужъ не повѣсть!
Тяжеле мнѣ, когда придетъ она,
Когда покровъ полей зазеленѣтъ; —
Тяжеле мнѣ — воспоминанiй рой
Меня гнететъ безсильемъ и тоской!

LVII.

ДУМА.

О, рѣзвися, играй, моя радость!
Мнѣ такъ сладко глядѣть на тебя;
Скоро явится буйная младость,
Скоро жизнь ты узнаешь, дитя.

Скоро очи освѣтятся думой,
Перестанешь безопасно играть,
И заляжетъ заботы угрюмой
На лицѣ твоёмъ миломъ печать.

Станешь жить и смотрѣть осторожно,
Станешь съ грустью чего-то все ждать ;
Станешь тщетно душою тревожной
Свою будущность ты вопрошать.

Вотъ, узнаешь любовь ты, — и ярко
Заблеститъ, засверкаетъ твой взглядъ,
И неопытнымъ сердцемъ и жаркимъ,
Будешь пить усладительный ядъ.

Цѣлый міръ разцвѣтетъ предъ тобою ;
Будешь вольно, отрадно дышать,
Своей юной, безумной душою,
Цѣлый міръ пожелаешь обнять....

Не на долгò.... восторгъ твой свободный
Уничтожится градомъ клеветъ,
И повѣтъ дыханьемъ холоднымъ
На него разсудительный свѣтъ.

Оскорбятъ тебя люди жестоко,
Опозорятъ святыню души ;

Будешь, другъ мой, страдать одиноко,
Лить горячія слезы въ тиши.

А, быть можетъ, безъ лишнихъ волненій,
По расчету, пойдешь подъ вѣнецъ ;
Много умныхъ дадутъ наставленій
Тебѣ нѣжные мать и отецъ.

Заживешь ты богато, на диво,
Будешь мужа въ рукахъ ты держать ;
Станешь барыней, важно, спѣсиво,
У себя ты гостей принимать.

Чтобы дѣти тебѣ не мѣшали,
Ты ихъ въ дѣтскую съ нянькой запрешь....
И не зная сердечной печали,
Пресчастливо свой вѣкъ проживешь.

LVIII.

ПРОБУЖДЕНІЕ СЕРДЦА.

Всѣ спать давно ; блестя красою вѣчной,
Въ окно глядятъ, мелькаютъ тихо звѣзды.
Ужь за полночь, а мнѣ ни какъ не спится....

На мысль, на звукъ никто не отзовется.
Томить меня нѣмая тишина;
Но никого будить я не хочу.
Одна хожу; дай сердце разбужу....
Оно такъ долго спитъ, такъ крѣпко спитъ.
Проснись же, раздѣли безсонницу мою;
Поразскажи безумье прошлыхъ дней....
Была пора, насильно усыпляла
Тебя я пѣнею мудраго разсудка....
Теперь проснись — ты слишкомъ долго спишь.
Какъ мнѣ тяжель твой сонъ, твое безмолвье!...
И, мнится мнѣ, что я, въ вечерній сумракъ,
Брожу одна, между могилъ знакомыхъ,
Не находя ни слезъ, ни сожалѣнья;
А между тѣмъ, томлюсь глухимъ сознаньемъ,
Что нужно тутъ и плакать, и молиться....
Проснись, проснись, и плакать силу дай!

Ты помнишь ли тотъ мигъ, какъ въ первый разъ,
Подъ сводомъ неба, ясно-голубого,
Забилось ты ребяческимъ восторгомъ,
Понявъ красу, гармонію созданья?
Ты помнишь-ли, какъ жадно приникало
Ты чуткимъ ухомъ къ голосу природы,
Подслушивало шумъ деревъ зеленыхъ,
Слѣдило жизнь прекраснаго цвѣтка,
Потомъ, проникнувшись восторгомъ безотчетнымъ,
Ты, будто птица въ клѣткѣ, трепетало

Незнаемымъ и чуднымъ ощущеньемъ?
Ты помнишь-ли, какъ вѣшнею грозой
Къ тебѣ слетѣла первая любовь?...
Какъ билось ты, какъ сильно билось, сердце,
Когда я съ нимъ по темной шла алеѣ,
И слушала его прерывистыя рѣчи, —
И рѣчи тѣ дышали силой чувства.
Я слушала его съ отраднымъ удивленьемъ, —
И вспыхивалъ въ щекахъ румянецъ яркій,
И сладкія въ глазахъ блистали слезы....
Онъ былъ такъ добръ, такъ искрененъ, такъ кро-
токъ....

Онъ былъ дитя душой, какъ я лѣтами....
Онъ бѣденъ былъ. — «Мой другъ! — онъ мнѣ ска-
залъ, —

На голову безумную мою
Судьба вѣнокъ терновый положила.
Не знаю я, куда меня откинеть
Суровой жизни мутная волна....
Быть можетъ, завтра побреду я нищимъ....
Дитя мое! не жить, не жить намъ вмѣстѣ....
Хоть я за это радъ отдать всю душу.
Пройдутъ года — и ты опять полюбишь....
Но въ этомъ морѣ жизненнаго зла,
Моя любовь, моя молитва будутъ,
Невидимо, носиться надъ тобой....
Мнѣ что-то говорить, что твой удѣлъ
И страненъ и глубокъ.... что много слезъ

Ты, ангелъ мой, прольешь, и много горя
Извѣдаешь ; — поймешь и наслажденье
Высокихъ думъ и горькій ядъ безсилья»....
И много лѣтъ прошло, а я не знаю,
Гдѣ онъ, что онъ? и живъ ли онъ, иль нѣтъ? —
И никогда, быть можетъ, не узнаю.
Но часто и теперь, въ часы раздумья,
Когда глухой въ душѣ раздастся ропотъ,
Мнѣ кажется, что кто-то тихо шепчетъ
Слова терпѣнья, вѣры и любви ;
Что чья-то, свѣтлымъ облакомъ, молитва
Надъ головой поникшею летаетъ....
Ты помнишь, сердце, горькій мигъ прощанья?....
Но ты, едва-едва, пошевелилось....

Послушай-же, теперь еще тебѣ припомню
И грустное, и мрачное мгновенье :
Былъ зимній день ; блѣднѣя догоралъ
Послѣдній лучъ печальнаго заката,
А онъ, тотъ странный, жалкій человекъ,
Со страстью на словахъ , съ безсиліемъ въ поступ-
кахъ,
Молилъ меня о взглядѣ, объ улыбкѣ....
Его слова отчаяньемъ дышали,
Какъ будто бы во мнѣ послѣднее спасенье
Онъ видѣлъ.... всѣ его движенья были
Проникнуты безумной, горькой страстью.
Онъ плакалъ жаркими у ногъ моихъ слезами,

Плающая рѣчь изъ устъ его лилась!
Ты помнишь, — жалостью неодолимой, сердце,
Болезненной, глубокой ты прониклось...
Я чуть ему руки не протянула,
И чуть сама не залилась слезами;
Но вспомнила, что ты его не любишь,
И равнодушно, гордо повернула
Къ нему холодное и строгое лицо...
Потомъ съ язвительной, насмѣшливой улыбкой,
Ему на дверь изъ дома показала...
То было для меня тяжелое усилье!
Но въ немъ я видѣла лекарство отъ недуга...
Но ты все спишь, все крѣпко, сердце, спишь...

Ну, слушай же — еще воспоминанье, —
И если отъ него ты не проснешься, —
Тогда ужъ спи, тогда хоть вѣчно спи!...
Ты помнишь ли тяжелый часъ разлуки,
Разлуки съ тѣмъ, кого такъ безгранично,
Довѣрчиво, восторженно любило;
Чье имя было для тебя святыней,
О комъ и мысль казалася молитвой?...
Ты помнишь ли послѣднее свиданье,
Въ печальной комнаткѣ, гдѣ все такъ бѣдно,
Гдѣ по стѣнамъ лоскутьями обои
Висѣли; гдѣ все украшенье было
Въ углу съ блестящей ризою икона,
Да передъ ней хрустальная лампада?

Ты помнишь ли, какъ весь онъ былъ взволнованъ,
Какъ онъ мечталъ о томъ завѣтномъ счастьи,
Которому не сбыться суждено?
Ты помнишь ли, какъ онъ, мужчина! плакалъ?...
Ахъ, съ той поры на бѣдную меня
Обрушилось такъ много, много горя, —
Забвенья холодъ, боль пренебреженья,
Глубокое, нѣмое оскорбленье,
На дно души упавшее какъ камень
Тяжелый, — все извѣдано глубоко!
Судьба однимъ безжалостнымъ ударомъ
Убила всѣ мои святые упованья,
Прошедшее на вѣки отравила;
О будущемъ и думать я боюсь....
Мнѣ кажется, что я плыву безъ цѣли
Бездоннымъ моремъ; берега не видно,
А небо скрыто тучами густыми,
И море то зовется — безнадежность....
Но, Боже мой! что это? плачу я?!
А, ты проснулось, чувствую я, сердце!...
Стѣснилась грудь... въ глазахъ темнѣть.... душно....
Нѣтъ, больно мнѣ! усни, усни опять!...

ЛХ.

РАЗНАЯ УЧАСТЬ.

Въ жизни разныя дороги
Намъ съ тобою суждены;
Разной долей, разнымъ даромъ
Мы съ тобой надѣлены.

Полно розовыхъ мечтаній
Сердце юное твое;
Предъ тобой широко, ясно
Развернулось бытіе.

Недоступна ты страданью,
Ты безстрастна и чиста,
Какъ прекраснаго ребенка
Беззаботная мечта.

Ты любить легко умѣешь,
Забываешь ты шутя;
У тебя скользить по сердцу,
Что томить, гнететь меня.

Не протягивай съ улыбкой
Ручку нѣжную твою, —

Нѣтъ, моей печальной дружбы
Я тебѣ не подарю.

Не хочу разговоромъ грустнымъ
Ясный взоръ твой омрачить ;
Не хочу чужимъ страданьемъ
Сердце юное смутить.

Что за дѣло до чужого
Горя намъ, — нѣтъ, Богъ ужь съ нимъ! —
Въ этой жизни мы довольно
Нагорюемся своимъ.

Нѣтъ! Иди, Господь съ тобою, —
Не товарищъ я тебѣ!
И пойду другой дорогой
Я, покорная судьбѣ.

LX.

* * *

Люди много мнѣ болтали
О тебѣ добра и худа ;
Но, на всѣ пустые толки
Я презрѣньемъ отвѣчала.

Пусть кричатъ что имъ угодно, —
Про себя я говорила, —
Мнѣ всю правду сердце скажетъ:
Лучше всѣхъ оно съ умѣетъ
Различить добро и худо.
И съ тѣхъ поръ, какъ полюбила
Я тебя, прошло не мало
Дней веселыхъ и печальныхъ;
Разгадать же и теперь я
Не могу, какъ ни стараюсь,
Что въ тебѣ я такъ любила:
То-ли, что хвалили люди,
Или то, что осуждали?...

LXI.

* * *

Ты спросила, отчего я
Молчалива и грустна? —
Не даетъ мнѣ мысль покоя,
Что въ землѣ сырой она....
Не могу я равнодушно
Нынче съ вами расцѣвять;
Все мнѣ кажется, что душно
Въ тѣсномъ гробѣ ей лежать;

Все мнѣ мнится : тяжело ей
Быть засыпанной землей,
И не ловко, и темно ей
Подъ богатой пеленой.
Эту мысль прогнать нѣтъ силы,
Хоть разсудокъ и твердить,
Что нельзя разрыть могилы,
Что мертвецъ безъ чувства спить.

LXII.

* * *

Любви не можетъ быть межъ нами :
Ее мы оба далеки ; —
Зачѣмъ же взглядами, рѣчами
Ты льешь мнѣ въ сердце ядъ тоски ?
Зачѣмъ тревогою, заботой
Съ тобой полна душа моя ?
Да, есть въ тебѣ такое что-то,
Чего забыть не въ силахъ я ;
Что въ день печали, въ день разлуки,
Въ душѣ откликнется не разъ,
И старья пробудитъ муки,
И слезы вызоветъ изъ глазъ.

LXIII.

СКУЧНЫЙ ВЕЧЕРЬ.

Какъ мнѣ вечеромъ скучно одной,
Да при томъ же не въ шутку больной!
Я-бъ охотно послушала сказки,
Дождалась бы и глухой развязки;
А ужь если бы пѣсню кто спѣлъ,
Мой недугъ бы какъ разъ отлетѣлъ.
Мнѣ работать, читать запретили.
Да еще бы хоть звѣзды свѣтили!
Нѣтъ, въ окошко, темна, холодна,
Ночь угрюмая смотритъ одна;
Шумно сани, порой, проѣзжаютъ,
Да у дома въ потемкахъ мерцають,
И лѣниво, и тускло горя,
Покривленные два фонаря.
Съ каждымъ часомъ минуты длиннѣе;
Съ каждымъ часомъ въ душѣ холоднѣе.
Вотъ и пѣсня... Спасибо тому,
Кто запѣлъ, не взирая на тьму, —
И не мыслить о томъ, не гадаеть,
Кто ему съ наслажденьемъ внимаетъ;
Для себя одного онъ поетъ,
И по улицѣ дальше идетъ....

LXIV.

* * *

Ночь. Все тихо. Только звѣзды
Неусыпныя блестятъ,
И въ струяхъ рѣки зеркальной
И мелькаютъ, и дрожатъ ;
Да порою пробѣгаетъ
Легкій трепетъ по листьямъ,
Или сонный жукъ лѣнливо
Прожужжитъ привѣтъ цвѣтамъ.
Полно намъ съ тобой такъ поздно
Подъ деревьями сидѣть
И, съ мечтой неисполнимой,
Грустно на небо смотрѣть,
И, какъ дѣтямъ, любоваться
И звѣздами, и рѣкой :
О другомъ давно пора ужъ
Намъ подумать бы съ тобой.
Посмотри, вѣдь ты сѣдѣешь,
Да и я ужъ не дитя ;
Путь далекъ, притомъ не гладокъ, —
Не пройдешь его шутя !
И не вѣчно будутъ звѣзды
Намъ такъ ласково сверкать :

То и жди, бѣда, какъ туча,
Набѣжитъ на насъ опять....
Вотъ и надобно подумать,
Что бы насъ она въ расцлохъ
Не застала, чтобъ рассудокъ
Силы намъ собрать помогъ,
Чтобъ взглянуть въ глаза несчастью,
Съ думой смѣлой и прямой,
Чтобъ не пасть намъ передъ горемъ,
А возвыситься душой....

LXV.

ДЛЯ МИЛЫХЪ.

Я стою передъ иконой
И, безъ словъ, молюсь ;
Я молюсь Тебѣ, Создатель, —
Объ одномъ прошу :
Пусть пошлетъ мнѣ страданье, —
Духъ къ нему привыкъ ;
Пусть меня забудутъ скоро
Всѣ, кого люблю.
Пусть забудутъ, пусть разлюбятъ ;
Только, Боже мой,
Пошлай имъ чаще радость,

Счастья посылай ;
Если есть его на долю
У Тебя мою,
Эту долю моимъ милымъ
Раздѣли, молю !

LXVI.

ОТСУТСТВУЮЩЕМУ ДРУГУ.

Какъ бы я въ минуту эту
Быть съ тобой желала, другъ !
Я въ лѣсу ; находить туча ;
Тихо, тихо все вокругъ ;
Надо мною, торопливо
Птицы чуткія снуютъ,
Улетаютъ, прилетаютъ
И подругъ своихъ зовутъ.
Вотъ, и солнышко закрылось....
Поскорѣ бы домой !
И какъ будто стало страшно
Мнѣ въ густомъ лѣсу одной.
И шумятъ вершины елей, —
Знать, толкуютъ межъ собой,
Какъ имъ тучу эту встрѣтить
И не струсить предъ грозой ?

Что за воздухъ! какъ чудесно
Раскидались облака!
Но проходитъ мимо туча.
Вотъ, и къ дому я близка.
Прихожу — ужь солнце свѣтитъ
Въ окна комнатки моей.
Что-то весело мнѣ стало,
Мысли чище и свѣтлѣй.
О, пускай, какъ эта туча
Въ жизни всякая бѣда,
Милый другъ, тебя минуетъ
И оставитъ навсегда!
Солнце свѣтитъ. Небо ясно!
Тихо, тихо все вокругъ....
Какъ бы я въ минуту эту
Быть съ тобой желала, другъ!

LXVII.

* * *

Грустная картина!
Облакомъ густымъ
Вьется изъ овина
За деревней дымъ.
Незавидна мѣстность:

Скучная земля,
Плоская окрестность,
Выжаты поля.
Все какъ бы въ туманѣ,
Все какъ будто спить....
Въ худенькомъ кафтанѣ
Мужичокъ стоитъ,
Головой качаетъ, —
Умолотъ плохой, —
Думаетъ-гадаетъ :
Какъ-то быть зимой ! ?
Такъ вся жизнь проходитъ
Съ горемъ пополамъ ;
Тамъ и смерть приходитъ,
Съ ней конецъ трудамъ.
Причастить больного
Деревенскій попъ ;
Принесутъ сосновый
Отъ сосѣда гробъ ;
Отпоютъ уныло....
И старуха мать
Долго надъ могилой
Будетъ причитать....

LXVIII.

ЧАРЫ ВЕЧЕРА.

1.

Твой послѣдній лучъ блеститъ за лѣсомъ.
Добрый путь тебѣ, свѣтило дня!
Здѣсь, деревъ зеленыхъ подъ навѣсомъ,
Я смотрю, люблюсь на тебя.
Ты теперь доступно взору стало,
Гордый блескъ теперь смирился твой.
Цѣлый день по небу ты гуляло,
Разливая нестерпимый зной.
Селянинъ усталый ужъ кончаетъ
Часъ заботъ, вседневнаго труда;
И я вижу, въ небесахъ мерцаетъ
Ярче всѣхъ вечерняя звѣзда.
Поднялись туманы надъ поляной,
И кричатъ кузнечики въ травѣ.
Все блѣднѣй, блѣднѣе лучъ багряный....
Все въ моей тревожнѣй головѣ.
Полно тайны листьевъ трепетанье,
Полно небо дивной красоты....
Все сильнѣе сердца обаянье,
Вереницей тянутся мечты....

2.

Наконецъ повѣяло прохладой,
Тихій вечеръ звѣзды засвѣтилъ.
Я вздохнула съ тайною отрадой,
И гляжу на стройный хоръ свѣтилъ.
Тамъ, вдали, два облачка несутся,
Облитые отблескомъ зари;
Вотъ, сейчасъ они въ одно сольются....
Вотъ, звѣзда падучая.... смотри!
Промелькнула яркою чертою,
Не оставя по себѣ слѣда....
Отчего же сердце за тобою
Рвется вдаль, падучая звѣзда?
Отчего, съ особеннымъ участиемъ,
За тобой, огнистая, слѣжу?...
Оттого, что я въ тебѣ со счастьемъ,
Счастьемъ прошлымъ сходство нахожу....

3.

Заглушить ли мнѣ внутренній голосъ,
Всѣ порывы тревожной души?
Этотъ вечеръ, заря и деревья
Такъ чудесно, тепло хороши!
Эти звѣзды, что трепетно блещутъ
Въ недоступной, нѣмой вышинѣ;

Этотъ звонъ, что несется протяжно,
Разливаясь въ ночной тишинѣ, —
Вся гармонія, сила созданья
Отражаются въ сердцѣ моемъ,
Проникають стремленьемъ высокимъ,
Жгутъ восторженной думы огнемъ.
И во мнѣ незамѣтно стихаетъ
Шумъ житейской, пустой суеты,
И смѣняется царство разсудка
Блескомъ свѣтлой и теплой мечты....
Все, что спитъ въ глубинѣ задушевной,
Что мнѣ стоило тяжкой борьбы,
Что едва и съ трудомъ уцѣлѣло
Отъ нападокъ людей и судьбы, —
Все проснулося въ эту минуту,
Озарилось любовью святой,
И проносится, тихимъ видѣньемъ,
Надъ поникшей моей головой.
Поддалась я совсѣмъ этимъ чарамъ,
Не могу я мечту потушить,
И таинственный, внутренній голосъ
Не могу я теперь заглушить.
Пусть же длится до утра, природа,
Надо мной твоя чудная власть ;
Пусть мнѣ душу волнують и нѣжатъ
Небо, вечеръ, раздумье и страсть :
Завтра, съ утреннимъ вмѣстѣ туманомъ,
Улетятъ эти призраки прочь,

И разсѣется все, что нагнала
Мнѣ на душу лукавая ночь.

LXIX.

* * *

Ты меня позабудешь не скоро,
Въ томъ сердечно увѣрена я.
Нѣтъ, сошлись мы съ тобою не даромъ
На широкомъ пути бытія.
И не даромъ мы крѣпко любили,
И не по пусту слезы лились,
И не даромъ, любя и тоскуя,
Мы съ тобою навѣкъ разошлись.
Ты меня позабудешь не скоро,
Хоть и думаешь ты, что забылъ,
Что надолго теперь ужь другую
Ты тревожной душой полюбилъ.
Полюбилъ!... но не первую силой
Свѣжихъ чувствъ ее будешь любить...
И не первая будешь признанья
Въ увлеченьи сердечномъ твердить...
Эти самыя даже признанья
И волненье, и робость ея,
И несвязныя, страстныя рѣчи —

Все, быть можетъ, напомнить меня....
А когда одинокое горе
Нанесется житейской волной,
И напросится въ душу сомнѣнье,
И наполнится сердце тоской;
Или въ женщинѣ встрѣтишь измѣну,
Иль въ своихъ ошибешься друзьяхъ;
Потрясетъ ли тебя неудача,
Наведетъ ли грядущее страхъ;
Клевета ли тебя отуманитъ
Или зависть захочетъ вредить,
Иль усталой душой пожелаешь
Безпредѣльно любимымъ ты быть: —
О, я вѣрю, въ такую минуту
Обо мнѣ ты вспомняешь не разъ,
И узнаешь, что въ жизни не даромъ
Я съ тобою, когда-то, сошлась....

LXX.

Е Л Ъ.

(изъ фрейлиграта).

На горѣ, на высокой качается ель;
Ея корни всосалися въ трещины скаль,

Облака, для вершины иглистой — постель ;
Человѣка здѣсь слѣдъ не бывалъ.

Вѣтеръ часто ей пѣсни поетъ,
Видитъ птицъ она быстрѣй полетъ.

У корней, подъ низомъ, въ глубинѣ,
Рядъ волшебныхъ растетъ мандрагоръ.
Слышно ей, какъ, въ ночной тишинѣ,
Пролетаетъ надъ нею духъ горъ.

Онъ властитель пустынной страны,
Ему мудрыя силы даны.

И слѣдитъ чуткимъ ухомъ она
Шумъ стремительныхъ горныхъ ручьевъ ;
Жизнью чудной, волшебной полна,
Внемлетъ хору ночныхъ соловьевъ,
Созерцаетъ алмазы лучей,
Иль убѣжища дикихъ звѣрей.

Слышитъ также, какъ робко газель
Пробѣжитъ по травѣ шелковдой....
Стой, качайся, зеленая ель,
Упивайся небесной росой, —
И роняй сколько хочешь смолы
На вешину родимой скалы.

Твой прекрасенъ и полонъ удѣлъ,
Не захочешь ты жизни иной....

О, зеленая ель! Я хотѣлъ
Помѣняться бы долей съ тобой!

LXXI.

* * *

Ночь.... Чу! въ садъ тѣнистый
Стукнуло окно....
Льётся воздухъ чистый;
Люди спать давно.

Но съ землей укладкой
Звѣзды говорятъ;
И въ раздумьи сладкомъ
Дерева стоять....

Какъ теперь отрадно
Ей, одной, вздохнуть!
Какъ вливаетъ жадно
Свѣжій воздухъ въ грудь.

И спустились руки
За окно.... въ тиши,
Слышатся ей звуки
Въ глубинѣ души.

Имъ она внимаетъ....
И, въ тоскѣ нѣмой,
Сердце замираетъ,
Взоръ горитъ слезой....

LXXII.

П И С Ь М О .

(м. п. в.)

Сердита я на васъ. Не грѣхъ ли вамъ
Молчать, — молчать такъ долго и упорно!
Хоть преданы серьезнымъ вы дѣламъ,
И время дорого для васъ, — безспорно;
(Оно въ занятяхъ незамѣтно намъ;
Притомъ же, какъ часы летятъ проворно!)
Но, Боже мой! ужель у васъ минутки
Свободной нѣтъ?... Я зла на васъ, безъ шутки.

Вотъ, мнѣ о жизни пасмурной моей
Такъ грустно и писать.... Однообразно
Тащится день за днемъ; почти людей
Не вижу я. Невольно скукѣ праздною
Я предаюсь; теперь же все мрачнѣй
Съ приходомъ осени, холодной, грязной.

Я цѣлый день почти одна бываю, —
Пишу, работаю, подь часъ мечтаю.

Наступитъ вечеръ : маленькой семьей
Вокругъ стола усядемся мы дружно.
Въ душѣ тепло и тихо.... Чередой
Часы идутъ себѣ.... Порой, досужный
Заѣдетъ гость, весь занятый игрой
Иль службою, и разговоръ ненужный
Заводитъ важно.... Вечеръ непримѣтно
Проходить ; гость прощается привѣтно.

На завтра тоже.... тоже ! Тѣсенъ кругъ
Житейскій, и душа въ немъ тихо дремлетъ....
Но, иногда, неожиданно, быстро вдругъ
Ее восторгъ поэзіи объемлетъ,
И непонятный, сладостный недугъ ;
Она какимъ-то звукамъ сладкимъ внемлетъ....
И жаждетъ слухъ высокихъ, сладкихъ пѣсень,
И снова міръ прекрасенъ и чудесенъ !

LXXIII.

В Е Ч Е Р О М Ъ .

Вечеръ.... этотъ вечеръ
Чудной пѣгой дышетъ....

Золотой зарёю
Ярко западъ пышетъ.
Наклонивъ головки,
Розы сладко дремятъ....
Но любовь и горе
Душу мнѣ объемлютъ.
О погибшемъ счастья
Я въ тиши тоскую ;
Тщетно вопрошаю
Будущность нѣмую....
Впереди темнѣетъ
Жизнь безъ наслажденья,
Въ сердце проникаетъ
Скорбное сомнѣнье....
Мало ли ихъ было
Чистыхъ упованій !...
Ни одно изъ жаркихъ
Не сбылось желаній !
Безпощадной волей
Всѣ они разбиты....
Не было участя,
Не было защиты !
Гдѣ-жь для новой жизни,
Гдѣ найду я силы ?
Знать не будетъ больше
Счастья до могилы !
Зажигайтесь, звѣзды,
Въ небѣ поскорѣе !

Раздавайтесь, звуки
Соловья, сильнѣе!
Заглушайте въ сердцѣ
Горе и сомнѣнье;
Пусть струей отрадной
Льется мнѣ забвенье....

LXXIV.

СКОРО ВЕСНА.

Скоро весна! Посмотри: подъ горячимъ лучомъ
Снѣгъ исчезаетъ замѣтно; скворцы прилетѣли;
Въ воздухѣ жизнь и по небу плывутъ облака:
Съ крышъ, точно жемчугъ, звуча и сверкая,
Падаютъ капли; дышетъ все мыслью одной,
Полно одною надеждой: скоро весна!
Стало мнѣ вдругъ хорошо и легко, такъ легко,
Будто душѣ моей также весна настаетъ....

LXXV.

П Р О Щ А Й.

(изъ уланда).

О, прощай, моя радость, прощай!
Суждено намъ разстаться съ тобой;
Поцѣлуй на прощанье мнѣ дай....
Такъ назначено видно судьбой!...

Принеси мнѣ скорѣ цвѣтовъ,
Что цвѣтутъ на деревьяхъ въ саду.
Не дождаться мнѣ, видно, плодовъ....
Я отъ жизни плодовъ и не жду!

LXXVI.

ВЕЧЕРНЕЕ НЕБО.

(изъ зейдлица).

Когда въ полумракѣ
Съ тобой я хожу;
На мѣсяцъ, на звѣзды
Златыя гляжу; —

Хотѣлъ бы я мѣсяцъ :
Руками достать ;
Хотѣлъ бы я звѣзды
Съ лазури сорвать .

Украсилъ бы ими
Я кудри твои :
И послѣ-бы умеръ
Отъ счастья любви .

LXXVII.

ИЗЪ ГЕЙНЕ.

Мѣсяцъ всталъ , морскія волны
Серебрить своимъ лучомъ ;
Съ милой я ; восторга полны
Мы на берегѣ вдвоемъ .

Обняла меня малютка,
Въ очи съ нѣжностью глядитъ .
— Чтó ты внемлешь вѣтру чутко,
Чтó рука твоя дрожитъ ?

— «Ахъ, не вѣтра то пѣснь ;
Не русалокъ то крикъ, —

То утопшихъ сестеръ
Мнѣ знакомый языкъ.»

LXXVIII.

И. С. А — В У.

Давно ужь мнѣ хотѣлося
Сказать, какъ освѣжительно
На душу утомленную
Житейскою вседневностью
Талантомъ вы повѣяли,
И освѣтили темные
Вопросы сердца смутнаго.

Бѣгутъ мечты коварныя,
Слетаютъ сны обманщики
Съ души моей взволнованной,
Зоветь и кличетъ истина
На дѣло благородное, —
И на призывъ могучія
Невольно я откликнулась
Всей силою души моей.
И поняла я вѣрное,
И разгадала чудное,
И полюбила свѣтлое

Къ добру, къ труду призваніе.
Далеко-ли пойду за нимъ,
На сколько выйбюсь силою
Изъ омута глубокаго
Сомнѣнія, лжеумія,
Страстей, противорѣчія,
Всей жизненной сумятицы —
Рѣшится то со временемъ.

И если упаду въ борьбѣ,
И если изнеможетъ духъ, —
Пускай раздастся голосъ твой
Суровый, обличительный,
Какъ истина спасительный, —
И подкрѣпитъ слаббующей
Души моей усилія.

LXXIX.

МИГЪ ОБНОВЛЕНІЯ.

Свѣжесть утра, розъ дыханье,
Говоръ свѣтлыхъ водъ,
Гибкихъ вѣтокъ колыханье,
Ясный неба сводъ, —
Все мнѣ въ душу обаянье

И надежду льетъ ;
Все печальное забыто ,
Новый міръ встаетъ ,
И о томъ, что ужъ прожито,
Вспомнить не даетъ.
Тайной силой обновленья
Дышетъ грудь моя,
Впрядь печали и сомнѣнью
Не отдамся я.
И среди житейской битвы
Твердо сохраню —
Въру сердца, пылъ молитвы
И любовь мою.

LXXX.

Т. Г — О Й.

Страсти истинной, глубокой
Наслажденья въ борьбѣ
Съ бурнымъ, жизненнымъ потокомъ
Не понять тебѣ;
Не понять, что есть волненья;
Кромѣ знаемыхъ тобой,
Есть высокія стремленья,
Есть сомнѣній страшныхъ рой.

Есть любовь... не то, что ваша!
(Этотъ вихрь васъ не крутилъ):
То отравленная чаша,
А не пить ее нѣтъ силъ!
То огонь и вдохновенье,
Всѣхъ душевныхъ силъ разцвѣтъ,
То святое упоенье,
То — чему названья нѣтъ.
О, дитя большого свѣта,
Безъ заботъ и безъ страстей!
Непонятна буря эта
Для души твоей; —
На волненья мелочныя,
На пустыя суеты
Сердца силы молодой
Растеряла ты.
И танцуя, ты страдаешь,
И танцуя, любишь ты,
И танцуя, попираешь
Жизни лучшіе цвѣты....

LXXXI.

ВЪ СТОЛИЦѢ.

Полныя народа,
Улицы большія,

Шумъ непрестающій,
Зданья вѣковыя,
И подъ небомъ звѣзднымъ
Городъ безконечный, —
Обо всемъ объ этомъ
Я мечтала вѣчно ;
У себя, въ деревнѣ,
Въ тишинѣ, въ покоѣ,
Все это казалось
Мнѣ прекраснѣй вдвое.
А теперь, въ столицѣ,
Я томлюсь тоскою :
И по роцѣ темной,
Пахнущей смолою,
Гдѣ по утру хоры
Птичекъ раздавались,
И деревья съ шумомъ
Медленно качались ;
И по рѣчкѣ синей,
Что течетъ небрежно,
И журчитъ струями
Вкрадчиво и нѣжно,
Берега лаская
Влагою прохладной ;
И по ивѣ старой,
Что склонилась жадно
Надъ прудомъ широкимъ,
И въ него глядится,

И какъ будто вѣчно
Жаждою томится....
Есть еще сосѣдъ тамъ,
Онъ прѣстой, несвѣтской,
Но онъ весь проникнуть
Добротою дѣтской....
Повидаться съ нимъ бы
Я теперь желала,
И сказать, какъ прежде
Я глупа бывала...

LXXXII.

* * *

О, съ какой умильной грустью
На твою я веселость смотрю,
На улыбку, на алые щечки
И на свѣтлую юность твою !

Разольешься ли громкимъ ты смѣхомъ,
Или вспыхнешь, головку склоня, —
Я сама будто вдругъ оживаю,
Будто вѣтъ весной на меня.

Будто голосъ знакомый я слышу,
Будто прежнія пѣсни пою....

Будто отзывъ отрадный несется
На сердечную думу мою.

Въ твоёмъ образѣ, миломъ и нѣжномъ,
Мое прошлое ожило вновь,
И мнѣ грезятся вновь упованья,
Въ сердце просится снова любовь.

LXXXIII.

КТО МНѢ РОДНЯ?

Покрытый ранами, поверженный во прахъ,
Лежалъ я при пути, въ томлени и слезахъ,
И думалъ, про себя, въ тоскѣ невыразимой :
О, гдѣ моя родня, гдѣ близкій, гдѣ любимый?
И много мимо шло.... но чтожь? никто изъ нихъ
Не думалъ облегчить тяжелыхъ ранъ моихъ....
Иной бы и желалъ, да вдаль его манила
Житейской суеты губительная сила ;
Иныхъ пугалъ видъ ранъ и мой тяжелый стонъ....
Ужь мной овладѣвалъ холодный смерти сонъ ;
Ужь на устахъ моихъ стенанья замирали,
Въ тускнѣющихъ очахъ ужь слезы застывали....
Но, вотъ, пришелъ одинъ, склонился надо мной,
И слезы мнѣ отеръ спасительной рукой.

Онъ былъ невѣдомъ мнѣ, но полнъ святой любовью,
Текущею изъ ранъ не погнушался кровью....
Онъ взялъ меня съ собой и помогаль мнѣ самъ,
И лиль на раны мнѣ цѣлительный бальзамъ....
И голосъ мнѣ сказалъ, въ душѣ неотразимый:
Вотъ, кто родня тебѣ, кто близкій, кто любимый....

LXXXIV.

ПОЛНОЧНАЯ МОЛИТВА.

Тихо все ; горить лампада ;
Полночь бьетъ ; пора, проснись ;
Встань, дитя, съ своей постельки,
Встань и Богу помолись.
Помолись за дальнихъ братій, —
Можетъ быть, вокругъ нихъ теперь
Льется кровь, летаютъ пули,
Не безъ ранъ, не безъ потерь.
Всеъ они безстрашны въ битвѣ ;
Безпредѣльная горить
Въ нихъ любовь къ Царю, къ Отчизнѣ, —
Храбрыхъ смерть не устрашить.
Не забудь и тѣхъ, что пали
Въ битвѣ жертвою святой ;
Безъ тоски ихъ, безъ печали,

Чистымъ сердцемъ помяни.
Встань, дитя, и на колѣна!
Къ Богу съ теплою мольбой:
Чтобы знаменемъ побѣды
Осѣнилъ Онъ страшный бой.

LXXXV.

РАННИМЪ УТРОМЪ.

Отворить окно: ужь солнце всходитъ,
И, блѣднѣя, кроется луна,
И шумящій параводъ отходить,
И сверкаетъ быстрая волна....
Волга такъ раскинулась широко,
И такой кругомъ могучій жизни хоръ,
Силу родины такъ чувствуешь глубоко;
Въ безграничности теряется мой взоръ.
Сердце будто вѣсть родную слышитъ, —
Въ ней такая жизни глубина....
Оттого перо лѣниво пишетъ, —
Оттого, что такъ душа полна.

LXXXVI.

* * *

Другъ мой! видишь ли, по небу,
Тучки вешнія плывутъ
Чу! въ поляхъ зазеленѣвшихъ,
Птички весело поютъ.
Ужь на тополѣ высокомъ
Распустилися листы ;
Дышутъ сладкимъ благовоньемъ
Мая первые цвѣты.
Подъ вліаньемъ чудной силы,
Вознесемся, хоть на мигъ,
Выше горя, выше счастья,
Выше радостей людскихъ.

LXXXVII.

НЕУТОЛЕННАЯ ЖАЖДА.

Въ одно ароматное утро,
Подъ каплями свѣтлой росы,
Прелестный цвѣтокъ распустился,

На мягкомъ, зеленомъ лугу.
Душистую поднялъ головку,
Съ любовью на небо взглянулъ :
И небо безоблачно было ;
Ласкалъ его солнечный лучъ,
Шептала зеленая травка ,
Восторженно пѣлъ соловей....
И счастливъ цвѣточикъ-малютка,
И воздухъ живительный пьетъ ;
Но солнце все выше восходитъ,
Все жарче ласкаетъ его....
Ужь высохли свѣтлыя капли,
На пестрыхъ и нѣжныхъ листкахъ ;
Онъ полонъ мучительной жаждой,
Онъ соки теряетъ свои,
Сбираетъ послѣднія силы,
Чтобъ снова на небо взглянуть,
И видеть, по небу несется,
Сердито нахмуряся, туча.
И молить онъ тучу усердно :
« Приблизься, суровая туча !
И, съ края свинцовой одежды,
Пролей, хоть единую каплю,
Прохладную каплю дождя ! » —
Но туча проносится мимо,
Ни капли дождя не роняя ;
Несетъ ее вѣтеръ могучій,
По волѣ капризной своей, —

И мрачно ему покоряясь,
Гуляетъ по небу она.
Но ропщетъ раскатами грома;
Но сылетъ перуны, порой;
Потомъ, надъ песчаною степью,
Заплакала крупнымъ дождемъ....
И тихо листки опустивши,
Бѣдняжка-цвѣточикъ завяль....

LXXXVIII.

* * *

Среди бездушныхъ и ничтожныхъ
Рабовъ вседневной суеты,
Храни отъ яда мнѣнїи ложныхъ
Свой здравый умъ и сердце ты.
Ищи, что истинно и свято,
Лжи искушенїи избѣгай,
И гласу страждущаго брата
Душою чуткою внимай.
И если въ нуждѣ и неволѣ,
Неся несчастїи тяжкій гнетъ,
Не совладѣвъ съ своею долей,
Онъ, полнъ отчаянья, падеть,
И прокричитъ толпа свирѣпо

Свой беспощадный приговоръ,
Свой судъ пристрастный и нелѣпый,
И малодушный свой укоръ, —
Не заключай по нимъ поспѣшно, —
Не осуждая никого,
Скажи имъ : кто изъ васъ безгрѣшный,
Пусть броситъ камень на него !



III.

LXXXIX.

НА ПѢСНЬ СОЛОВЬЯ.

Въ тиши ночной, изъ рощи темной,
Зачѣмъ меня твой голосъ томный
Такъ неотступчиво зоветъ ?
Напрасно пѣснь твоя несется,
Она мнѣ въ душу не прольется,
И счастья мнѣ не принесетъ...

Подъ звукъ твоей чудесной трели
Воспоминанья мнѣ запѣли
Иную пѣснь, въ тиши ночной :
Звучить та пѣснь тоской и мукой,
Разбитой страстью и разлукой,
И безнадежностью глухой....

Они поютъ, воспоминанья,
И будятъ скорбныя сознанья,
Невольный, горестный укоръ.

То хоръ печальный и унылый,
То Requiem души остылой,
Разсудка строгій приговоръ.

Когда душа летитъ надъ бездной, —
Что ей краса лазури звѣздной,
И страстной пѣсни переливъ?
Они на днѣ ея глубоко,
Возбудятъ лишь одинъ жестокий,
Нѣмой отчаянья порывъ....

ХС.

* * *

Да, я вижу, — безумство то было:
Въ наше время грѣшно такъ любить,
И души благодатныя силы
Объ единое чувство разбить.

Но, быть можетъ, съ тобой мы и правы:
Увлечлися въ недобрый мы часъ,
Пылкой юности демонъ лукавый
Отуманилъ неопытныхъ насъ.

Думалъ ты, что любилъ меня страстно,
По тебѣ я сходила съ ума;

Наша встрѣча могла быть опасна,
Я теперь это вижу сама.

Но едва очарованной чаши
Мы коснулись устами съ тобой,
Какъ ужъ души разрознились наши,
И пошелъ ты дорогой иной.

Горько было, — я много страдала,
И въ любовь моя вѣра прошла, —
Но въ то время, я духомъ не пала,
Гордо, смѣло ударъ приняла.

А теперь ужъ и чувство погасло,
Стала жизнь и пуста, и темна, —
И душа, какъ лампада безъ масла,
Догорѣвшая ярко до дна.

ХСІ.

* * *

Клянупебя слѣпое убѣжденье
Во всемъ, что я считала дорогимъ ;
Клянупебя, безумныхъ лѣтъ волненье,
Утекшее, какъ облако, какъ дымъ !

Клянуп я васъ, печальныя страданья!
Клянуп тебя, безсиліе души!
Клянуп надеждъ угасшихъ обаянье,
Что мнѣ казались такъ чудно-хороши!
А пуще васъ, заманчивыя грезы,
За то, что вы надъ сердцемъ взяли власть!...
Клянуп всѣ горькія, пролитыя мной слезы!
Клянуп тебя, осмѣянная страсть!

Лишь тебѣ, въ этомъ хаосѣ темномъ, —
Какъ ни стынетъ отъ холода кровь, —
Лишь тебѣ не пошлю я проклятья,
Моей юности первой любовь...
Изъ прошедшаго сумрака тихой,
Одинокой горишь ты звѣздой;
Блѣдный лучъ мнѣ до сердца доходить,
Разливаясь ясной мечтой!...
Лишь тебѣ, въ этомъ хаосѣ темномъ, —
Какъ ни стынетъ отъ холода кровь, —
Лишь тебѣ не пошлю я проклятья,
Моей юности первой любовь.

СХП.

Н А П У Т И.

Я гляжу на дорогу уныло,
Незавидѣнь и тѣсенъ мой путь!

Я теряю и бодрость, и силу,
Мнѣ пора бы давно отдохнуть.

Даль не манить ужь больше надеждой,
Мало радостныхъ встрѣчъ на пути,
Часто объ руку съ грубой невѣждой,
Съ глупой спѣсью случалось идти.

И нерѣдко меня нагоняли
Пошлость, зависть и ядъ клеветы,
Утомленную душу терзали,
Мяли лучшіе жизни цвѣты.

Было добрыхъ спутниковъ мало,
Да и тѣ отошли далеко....
Я осталась одна, я устала, —
Этотъ путь перейти не легко!

СХІІІ.

* * *

Не зови меня безстрастной,
И холодной не зови, —
У меня въ душѣ не мало
И страданій, и любви.

Проходя передъ толпою,
Сердце я хочу закрыть
Равнодушіемъ наружнымъ,
Чтобъ себѣ не измѣнить.
Такъ идетъ предъ господиномъ,
Затая невольный страхъ,
Рабъ, ступая осторожно,
Съ чашей полною въ рукахъ.

СXIV.

* * *

Увы! и я, какъ Прометей,
Къ скалѣ прикована своей, —
Мнѣ коршунъ-горе сердце гложетъ,
И лучъ небеснаго огня
Отъ рока не спасетъ меня,
И цѣпь сорвать мнѣ не поможетъ!

СХV.

* * *

Тихо я бреду одна по саду,
Подъ ногами желтый листь хруститъ,
Осень льетъ предзимнюю прохладу,
О прошедшемъ лѣтъ говорить.
Говорить увядшими цвѣтами,
Грустнымъ видомъ выжатыхъ полей
И холодными, сырыми вечерами, —
Всей печальной прелестью своей.
Такъ тоска душѣ напоминаетъ
О потерѣ нашихъ лучшихъ дней,
Обо всемъ, чего не возвращаетъ
Эта жизнь — жестокой чародѣй!

СХVI.

* * *

Они не сердца голосъ страстный
Стихи суровые твои,
Они не жгутъ мечтой напрасной
И жаждой счастья и любви.

Они наполнять сердце мукой,
Покроют жизнь внезапной мглой;
Они печальная порука
Души безсилья предъ судьбой.

Читая ихъ, какъ будто слышишь
Предсмертный, безнадежный крикъ,
И тяжело, неровно дышешь,
Переживая страшный мигъ!

СХVII.

* * *

Мой другъ! печаль твоя напрасна:
Прошедшихъ сновъ ужъ не вернуть.
Благоразумно и безстрастно,
Измѣрай жизни долгій путь.

Свое бессмысленное дѣтство,
Безильнымъ стономъ не зови, —
Былого горькое наслѣдство,
Цѣпь сожалѣній разорви.

Разрушенъ онъ, твой кругъ волшебный, —
Жизнь вѣчный трудъ — не сладкій сонъ, —

И силой доброй иль враждебной
Ты за черту перенесень.

Иди впередъ, и въ новой сеерѣ
Смотри на новый рядъ свѣтилъ....
И совершенствуйся по мѣрѣ
Своихъ способностей и силъ.

ХСVIII.

* * *

Какъ сладко приникнуть мнѣ
Къ святому лону Твоему,
Мать всеизцѣляющая —
Природа! — Какъ часто я,
Житейской невзгодою
И суетой крушима я,
Забывала голосъ Твой,
Взывавшій спасительно
Къ уязвленной душѣ моей.
Но теперь, утомленная,
Погружаюсь снова я
Въ Твои объятія,
Ушиваясь гармоніей
Благодатныхъ силъ Твоихъ!

Теперь, когда смолкнули
Голоса нестройные
Безумныхъ страстей моихъ, —
Дивный хоръ мнѣ слышится
Жизни всеобъемлющей....

XCIX.

* * *

Тотъ, кого любила,
Взять сырой землей ;
Ужь его могила
Поросла травой.
Тамъ, въ странѣ далекой,
Онъ похороненъ,
И его глубокий
Непробуденъ сонъ!
Что-то ему снится
Въ томъ глубокомъ снѣ ?
Мысль его стремится,
Можетъ быть, ко мнѣ ;
Не она-ль, порою,
Въ душу мнѣ глядитъ,
И меня тоскою
Смертной леденить ?

Можетъ быть, все ясно
Стало для него, —
Какъ любила страстно
Одного его ;
И чего живому
Не могла сказать —
Мертвецу нѣмому
Суждено понять.

С.

* * *

Здѣсь я, здѣсь, въ благовонномъ саду,
Съ нетерпѣніемъ милую жду !
Сердце страхомъ, надеждой полно.
Ужь цвѣты задремали давно ; —
Роза, тихо головку склоня,
Въ полуснѣ, внемлетъ пѣснь соловья ;
Незабудки росю блестятъ,
И на звѣзды съ любовью глядятъ ;
Къ маргариткѣ прильнулъ мотылекъ,
По жасмину ползетъ свѣтлячекъ ;
А лилею, въ раздумьи нѣмомъ,
Полный мѣсяць ласкаетъ лучомъ.
Я считаю, ловлю каждый мигъ !

Вотъ, на крыльяхъ воздушныхъ своихъ,
Вѣтерокъ межъ цвѣтовъ пропорхнулъ,
Что-то имъ потихоньку шепнулъ;
Закачались, запѣли цвѣты:
«— Что, безумецъ, тревожишься ты!...»
Слышу шорохъ, калитка скрипитъ, —
Этотъ звукъ мнѣ свиданье сулитъ!
Ты исполнила слово свое, —
Ты идѣшь, о блаженство мое!

СІ.

* * *

Вижу, въ слезахъ ты! одна за другою,
Тихо катятся по щечкамъ онѣ;
Рада бы вмѣстѣ поплакать съ тобою —
Что-то не плачется, милая мнѣ!...
Плакала также я въ жизни довольно,
Также страдала, любила, повѣрь! —
Нынѣ жъ смѣюся надъ тѣмъ я невольню,
Что привело тебя въ слезы теперь....

СШ.

* * *

Лѣтній полдень страстнымъ зноемъ
Землю пышную томить ;
Небо чистое покоемъ
Безграничности горить.
Поищу прохладной тѣни....
Да, какъ жизнь ни хороша, —
Жаждетъ отдыха и лѣни
Утомленная душа.
Пусть деревья зеленѣютъ,
Подъ дыханьемъ теплоты ;
Пусть плоды на солнцѣ зрѣютъ,
Распускаются цвѣты....
Солнца лучъ цвѣтокъ увядшій
Къ жизни вновь не возвратитъ,
Преждевременно упавшій
Съ древа плодъ, не возраститъ....

СШ.

ЗАКОЛДОВАННОЕ СЕРДЦЕ.

Что тебя обманывать напрасно :
Нѣтъ, не вѣрь волненью моему !
Если взоръ, порою, вспыхнетъ страстно,
Если руку я тебѣ пожму, —
Знай : то прежнихъ дней очарованье
Ты во мнѣ искусно пробудилъ ;
То другой любви воспоминанье
Взоръ мой вдругъ невольно отразилъ.
Другъ мой ! я больна неизлѣчимо, —
Не тебѣ недугъ мой исцѣлить !
Можетъ быть, могу я быть любима,
Но сама ужъ не могу любить !
Говорятъ, есть въ свѣтѣ злые люди,
Колдовства имѣютъ страшный даръ ;
Никогда не вырвать ужъ изъ груди
Силы ихъ неотразимыхъ чаръ ;
Говорятъ, что есть слова и рѣчи,
Въ нихъ таится чудный *заговоръ* ;
Говорятъ, есть *роковыя* встрѣчи,
Есть тяжелый и *недобрый* взоръ . . .
Видно, въ пору молодости страстной,
Въ самомъ лучшемъ цвѣтѣ бытія,

Я сошлась съ волшебникомъ опаснымъ, —
Той порою *сглазилъ* онъ меня...
Произнесъ таинственное слово,
Сердце мнѣ на вѣкъ *заговорилъ*,
И недугомъ тяжкимъ и суровымъ
Жизнь мою жестоко отравилъ...

CIV.

Н И В А.

Нива, моя нива,
Нива золотая!
Зрѣешь ты на солнцѣ,
Колосъ наливая.
По тебѣ, отъ вѣтру, —
Словно въ синемъ морѣ, —
Волны такъ и ходятъ,
Ходятъ на просторѣ.
Надъ тобою съ пѣсней
Жаворонокъ вьется;
Надъ тобой и туча
Грозно пронесется.
Зрѣешь ты и спѣешь,
Колосъ наливая, —
О людскихъ заботахъ

Ничего не зная,
Унеси ты, вѣтеръ,
Тучу градовую;
Сбереги намъ, Боже,
Ниву трудовую!..

CV.

* * *

По зеленому лугу гуляя,
Ты вчера такъ печальна была;
А весна, яркимъ солнцемъ сіяя,
Какъ цвѣтами его убрала! —
Улыбались анютины глазки,
Колокольчикъ въ травѣ трепеталъ;
Вѣтерокъ имъ нашептывалъ сказки,
Незабудки украдкой ласкалъ.
Мимо ихъ проходя, безъ вниманья,
Полевую ты астру нашла.
И сорвавъ, — вся полна ожиданья, —
За листочкомъ листочекъ рвала;
И шептала въ тоскѣ и томленьи,
Наклонивши головку слегка:
«Любить? нѣтъ?»... — Любить онъ, безъ сомнѣнья —
Ты не спрашивай, другъ мой, цвѣтка:

Сердце лучше, вѣрнѣе узнаетъ, —
Чародѣй всемогущій оно! —
Кто на трепеть его отвѣчаетъ,
И кто истинно любить его...

С V I .

Т У Ч А .

Ты на край небосклона далекій
Посмотри — тамъ собирается туча ;
То предвѣстница бури жестокой :
И грозна , и темна , и могуча .

Набѣжить , пролетить ! — беспощадно
Разрушенъе прольетъ на пути ;
Много жертвъ унесетъ она жадно ,
Многимъ силы ея не уйдти .

Пронесетъся бѣдою бывалой ,
Смоетъ хижины бѣдныхъ людей ,
Вырветъ съ корнемъ деревьевъ не мало ,
Потрясетъ и дворцы богачей...

Но за то , что останется цѣло
Послѣ этой грозы роковой ,

Можетъ жить и покойно , и смѣло ,
Наслаждаясь благой тишиной ;

И очищеннымъ воздухомъ вволю
Обновленную грудь дышать , —
И во всемъ Божьемъ мѣрѣ на долю,
По желанью, себѣ выбирать...

СѢВ.

ПОСѢВЪ.

Сѣятель вышелъ съ кошицею въ поле,
Сѣмя бросаетъ на право , на лѣво ;
Тучная пашня его принимаетъ ;
Падаютъ зерна , куда ни попало :
Много ихъ пало на добрую землю ;
Много въ глубокія борозды пало ;
Многія вѣтеръ отнесъ на дорогу ;
Много подъ глыбы заброшено было.
Сѣятель , трудъ свой окончивъ , оставилъ
Поле , и ждалъ изобильной онъ жатвы.
Зерна почуяли жизнь и стремленье ;
Быстро явились зеленые всходы,
Къ солнцу тянулись гибкія стебли
И достигали назначенной цѣли —

Плодъ принести и обильный , и зрѣлый.
Тѣже, что въ борозды иль на дорогу,
Или подъ глыбы заброшены были,
Тщетно стремяся къ назначенной цѣли,
Сгибли, завяли въ борьбѣ безысходной...
Солнце и влага имъ были не въ пользу!
Жатва, межъ тѣмъ, налилась и созрѣла;
Жатели вышли веселой толпою,
Снопъ за снопомъ набираютъ ретиво;
Радостно смотритъ хозяинъ на ниву;
Видитъ созрѣвшіе, въ мѣру, колосья
И золотистыя, полныя зерна;
Тѣхъ же, что пали въ бесплодную землю,
Тѣхъ, что увяли въ тяжелой истомѣ,
Онъ и не вѣдаетъ, онъ и не помнитъ!...

CVIII.

* * *

Говорятъ, — придетъ пора,
Будетъ легче человѣку,
Много пользы и добра
Свѣтитъ будущему вѣку.

Но.

Чтожь? закатъ печальныхъ дней
Пусть надеждой озарится,
Что и ярче, и свѣтлѣй
Утро міра загорится.

А, быть можетъ, какъ узнать?
Лучъ его и насъ коснется,
И придется увидать,
Какъ заря съ зарей сойдется....

SIX.

* * *

Не даромъ вставила всю жизненную драму
Судьба въ прекрасную, плѣнительную раму —
Небесъ бездонныхъ, звѣздъ блестящихъ,
Морей, потоковъ, рѣкъ шумящихъ ;
Не даромъ кинула, на утѣшенье взора,
Земля могучее величіе простора,
Высокихъ горъ несмѣтную громаду,
Чтобъ бѣдный смертный находилъ отраду
Хоть въ декорации печальной жизни сцены.

Гдѣ все тяжелыя такія перемѣны,
И гдѣ актеры, зрители, — другъ другу не подь си-
лу, —
Окончивъ роль, идутъ себѣ въ могилу....

СХ.

ВИДѢНІЕ ПРОРОКА ІЕЗЕКІИЛЯ.

Божіимъ духомъ и Божіей волей
Я приведенъ былъ въ широкое поле, —
И на пространномъ, пустынномъ погостѣ,
Груда на грудѣ, лежали тамъ кости,
Кости людскія, покрытыя прахомъ!
И обошелъ я все поле со страхомъ,
И услыхалъ я Всевышняго слово:
«Могутъ ли кости ожить эти снова?
— «Ты это знаешь, о, Боже!» — сказалъ я...
Снова Всевышняго гласъ услыхалъ я:
«Сынъ челоуѣчскій! этимъ костямъ
«Ты передай, что скажу тебѣ Самъ:
«Кости сухія! — глаголетъ Господь:
«Дамъ вамъ живую, горячую плоть,
«Духомъ Своимъ на бездушныхъ повѣю,
«Сѣмя безсмертѣя межъ вами посѣю;
«Всѣ оживете вы, — какъ васъ ни много, —

«Всѣ вы живаго познаете Бога...»
И я исполнилъ по Божью велѣнью.
Вдругъ поднялось межъ костями волненье:
Быстро онѣ межъ собой съединялись,
Тѣломъ и кожею всѣ покрывались;
Жизнь въ нихъ бродила неясно и глухо —
Не было въ нихъ еще Божія духа.
«Сынъ человѣческій! словомъ пророка
«Духу вели въ нихъ проникнуть глубоко»
Рекъ мнѣ Господь. Я велѣнье исполнилъ;
Вижу: духъ жизни мгновенно наполнилъ
Мертвые трупы — и ожили, встали,
Новыя силы чудесно познали.
«Это собранье ожившихъ людей,
«Бывшихъ лишь грудами мертвыхъ костей —
«Это Израиль, въ тоскѣ безнадежной
«Думавшій: сгибли мы всѣ неизбежно, —
«Мертвы душою и рабствомъ убиты,
«Въ горѣ умремъ мы Всевышнимъ забыты!...
«Но не забыла ихъ Божья любовь, —
Такъ говорилъ Вседержитель мнѣ вновь:
«Волю Мою передай ты народу,
«И возвѣсти ему жизнь и свободу, —
«Въ истинѣ Духомъ Моимъ ихъ наставлю,
«Буду имъ въ Бога и рабства избавлю...»

СХІ.

* * *

Не святотатствуй, не грѣши
Во храмѣ собственной души.
Повѣрь, молиться невозможно
При кликахъ суетныхъ и ложныхъ,
Пустыхъ, ничтожныхъ торгашей,
Средь пошлыхъ сплетенъ и рѣчей.
Очисти храмъ бичомъ познанья,
Всю эту ветошь изгони, —
Тогда предъ олтаремъ призванья,
Съ мольбой, колѣна преклони....

СХІІ.

М О Л И Т В А .

Духъ премудрости и разума, и силы,
Всеобъемлющей, божественной любви!
Насъ, заглохшихъ въ суетѣ, помилуй
И своимъ дыханьемъ оживи!
Пламенемъ иль бурей благодатной

Зачерствѣлыхъ прикоснися душъ,
Царство тьмы и злобы невозвратно
Силою спасительной разрушь.
О, Духъ жизни, свѣта и свободы!
На сердца жестокиѣ повѣй!
Просвѣти заблудшіе народы,
Свѣтъ и жизнь на страждущихъ пролей! —
Да свободно, въ храмъ мірозданья,
И мольбы, и жертвы принесутъ,
И свое высокое призванье,
Жизни цѣль безтрепетно поймутъ....

СХІІІ.

ТУНЕЯ ДЦАМЪ.

Не вспыхнуть свѣтлымъ убѣжденьемъ
Въ нихъ сѣмяна святой любви,
Не обновятся возрожденьемъ
Сердца, погрясшія во лжи.

Нѣтъ, задушевной правды слову
Въ умъ ихъ корню не пустить;
И за него вѣнокъ терновый
На головѣ имъ не носить!

Безстрастны, суетны и вялы,
Безъ пользы для страны родной,
Они, лѣниво и устало,
Идутъ избитою тропой....

.....
.....
.....
.....
.....
.....
.....
.....

Для ихъ души одна потреба —
Чтобъ сытымъ быть, покойно спать....
За то не дастся имъ отъ неба
Призваній высшихъ благодать.



СXIV.

* * *

Не твердилъ онъ мнѣ льстивыхъ рѣчей,
Не смущалъ похвалою медовой,

Но запало мнѣ въ душу навѣкъ
Его рѣзко-правдивое слово....

Онъ по своему какъ-то любилъ,
Но любилъ онъ глубоко и страстно!
Жизни онъ не считалъ никогда
Глупой шуткой иль даромъ напраснымъ.

Онъ, порой, предразсудки бранилъ,
Но въ душѣ его не было злобы;
Слову честному, дружбѣ, любви
Онъ былъ вѣренъ и преданъ до гроба.

И хоть часто терзали его
Неудачи, враги и сомнѣнья;
Но онъ умеръ съ надеждой святой,
Что настанетъ пора обновленья,

Что пойметъ наконецъ человѣкъ,
Что идетъ онъ дорогой лукавой,
И сознаетъ неправду душой,
И воротить на счастье право....

Не твердилъ онъ мнѣ лстивыхъ рѣчей,
Не смущалъ похвалою медовой,
Но запало мнѣ въ душу на вѣкъ
Его рѣзко-правдивое слово....

CXV.

Н. А. Н ВУ.

Стихъ твой звучитъ непритворнымъ страданьемъ,
Будто изъ крови и слезъ онъ возсталъ!
Полный ко благу могучимъ призваньемъ,
Многимъ глубоко онъ въ сердце запалъ.

Онъ непріятно счастливецевъ смущаетъ;
Гордость и спѣсь возстаютъ на него;
Онъ эгоизмъ глубоко потрясаетъ, —
Вѣрь мнѣ — не скоро забудутъ его!

Льнуть къ нему чуткимъ, внимательнымъ ухомъ
Души, измятые жизни грозой;
Внемлютъ ему всѣ, скорбящіе духомъ,
Всѣ, угнетенные сильной рукой....

CXVI.

* * *

Много лѣтъ ладью мою носило
Все въ виду цвѣтущихъ береговъ....

Сердце ихъ и звало, и манило,
Но ладья все дальше уходила
И неслась по прихоти валовъ.

А потомъ, въ пространствѣ безпредметномъ,
Поплыла въ невѣдомую даль.
Милый край мелькалъ едва замѣтно
И кругомъ все было безотвѣтно
На мои моленья и печаль.

Облака мнѣ звѣзды застилали;
Моря шумъ былъ грозенъ и суровъ;
И, порой, громады выступали
Голыхъ скалъ, — онѣ меня пугали
Мрачнымъ видомъ чуждыхъ береговъ.

Наконецъ, ко пристани безплодной
Принесло убогую ладью,
Гдѣ душѣ, печальной и холодной,
Не развиться мыслию свободной,
Гдѣ я жизнь и силы погублю!

СХVII.

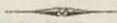
* * *

Чѣмъ ярче шумный пиръ, бесѣда веселѣй,
Тѣмъ на душѣ моей печальной тяжелѣй,
Язвительнѣе боль сердечнаго недуга,
И голосъ дальнаго, оставленнаго друга
Мнѣ внятнѣй слышится... Ахъ, блѣдный и худой,
Я вижу образъ твой, измученный нуждой!
Среди довольныхъ лицъ, средь гула ликованья,
Онъ мнѣ является съ печатію страданья,
Оставленной на немъ бесплодною борьбой
Съ врагами, бѣдностью и самою судьбой!
Быть можетъ, въ этотъ часъ, когда за ужиномъ пыш-
ный,
Иду я, средь другихъ, моей стопой неслышной,
Ты голоденъ и слабъ — въ отчаяннѣи нѣмомъ,
Лежишь одинъ, въ слезахъ, на чердакѣ глухомъ, —
А я тебѣ помочь не въ силахъ и не властна!
И, полная тоски глубокой и безгласной,
Я никну головой, не слыша ничего,
Подъ гнетомъ тайнаго унынья моего,
Средь этой вѣтренной, себялюбивой знати,
Готова я рыдать неловко и некстати!...

СХVIII.

* * *

Нѣтъ, никогда поклонничествомъ низкимъ
Я покровительства и славы не куплю,
И лести я ни дальнимъ и ни близкимъ
Изъ устъ моихъ постыдно не пролью.
Предъ тѣмъ, что я всегда глубоко презирала,
Предъ чѣмъ, порой, дрожать достойные, — увы! —
Предъ знатю гордою, предъ роскошью нахала
Я не склоню свободной головы.
Пройду своимъ путемъ, хоть горестно, но честно,
Любя свою страну, любя родной народъ,
И, можетъ быть, къ моей могилѣ неизвѣстной
Бѣднякъ иль другъ со вздохомъ подойдетъ;
На то, что скажетъ онъ, на то, о чемъ помыслить,
Я, вѣрно, отзовусь безсмертною душой....
Нѣтъ, вѣрьте, лживый свѣтъ не знаетъ и не смыс-
литъ,
Какое счастье быть всегда самимъ собой!...



СХІХ.

П О С Ъ Щ Е Н І Е.

Осеннимъ то вечеромъ было ;
Пронзительно вѣтеръ свисталъ
И желтые листья деревьевъ, —
Послѣдніе листья срывалъ.
Въ одномъ городкѣ отдаленномъ,
Красивенькій домикъ стоялъ ;
Затворены крѣпко ворота,
Не видно движенія въ немъ,
И чистыя стекла окошекъ
Давно не свѣтились огнемъ.
Въ тотъ вечеръ, по улицѣ мрачной,
Одинъ пѣшеходъ проходилъ ;
Высокъ онъ былъ, молодъ и статенъ,
И, видно, куда то спѣшилъ.
И ярко такъ очи сверкали
Сквозь темную дымку рѣсницъ,
И черныя кудри лежали
Густою волною до плечъ.
И, вотъ, передъ домикомъ сталъ онъ
Съ волненьемъ и тайной тоской ;
Помедлилъ, потомъ постучался
Въ калитку и разъ, и другой.

И вышелъ, кряхтя и вздыхая,
Слуга престарѣлый, съ огнемъ,
Привѣтливо кланялся гостю,
Его освѣтя фонаремъ.

«Господь, сударь, нашихъ нѣтъ дома.»

— «Я знаю, — отвѣтъ былъ, — впусти ;

Вѣдь въ комнаты можно, надѣюсь,

Безъ нихъ не надолго войти? —»

«Давно, сударь, вы не бывали,

Совсѣмъ позабыли объ насъ!

А прежде частенько ходили....

Сейчасъ отопру вамъ, сейчасъ!»

И въ чистыя комнатки, робко,

Вошелъ посѣтитель съ тоской,

Онъ все въ нихъ осматривалъ жадно ;

Вдругъ очи блеснули слезой,

И онъ передъ женскимъ портретомъ,

Какъ будто прикованный, сталъ...

И долго онъ имъ любовался,

И что-то ему все шепталъ....

«Да, барышня тутъ, какъ живая, —

Съ улыбкой служитель сказалъ, —

Женихъ ея скоро пріѣдетъ....

Немолодъ, за то генералъ!»

И гость, какъ змѣей уязвленный,

Вздрыгнулъ и поникъ головой ;

И долго стоялъ неподвижно,

Печальный и блѣдный такой

Потомъ, какъ отъ сна пробудившись,
Махнулъ безотрадно рукой,
И быстро изъ домика вышелъ,
Въ волненьи и съ тайной тоской....
А небо осеннее тмилось,
И вѣтеръ ставнями стучалъ,
И желтые листья деревьевъ, —
Послѣдніе листья срывалъ.

И скоро потомъ воротились,
Въ свой домикъ уютный они ;
И вечеромъ вновь замелькали
Привѣтные въ окнахъ огни.
Доволенъ и ясенъ хозяинъ,
Супруга его весела ;
Одна только дочь молодая
Задумчива что-то была.
Невольно, порой, замирала
Улыбка у ней на устахъ,
И часто свѣтились слезы
Въ большихъ и прекрасныхъ глазахъ.
Взгляните, какъ грустно склонивши
Головку на руки, она
Сидитъ и мечтаетъ о чемъ-то,
Въ часъ сумерекъ тихій, одна.
Вотъ, дверь отворилась тихонько,
Послышались чьи-то слова,
И вкорѣ потомъ появилась

Сѣдая слуги голова.
«Вчера еще, Ольга Петровна,
Хотѣлъ я вамъ, вотъ что, сказать, —
Да все помѣшать вамъ боялся,
Изволили книжку читать.
Владиміръ Сергѣичъ, намедни,
Сюда *заходили* безъ васъ,
На вашъ все портретъ *любовались*,
Съ него не сводили и глазъ.
Спросилъ его долголь пробудеть?
— «Не знаю», — онъ мнѣ отвѣчалъ; —
Да скучный такой и угрюмый;
Все время, что былъ здѣсь, молчалъ».
О, какъ она вся встрепенулась,
Какъ жизнь заиграла въ чертахъ,
И сколько любви и блаженства
Заглося въ прекрасныхъ глазахъ!
Черезъ часъ ужь, служитель усердный,
Прохваченный вѣтромъ, дождемъ,
Закутанный старой шинелью,
Шелъ улицей грязной съ письмомъ....
Къ гостиницѣ вѣтхой и сальной, —
Приюту приѣзжихъ, — спѣшилъ.
«Не здѣсь ли Карменскій?» въ воротахъ,
Мальчишку съ метлой онъ спросилъ.
— Онъ утромъ сегодня уѣхалъ, —
Ему тотъ, зѣвая, сказалъ.
Вернулся старикъ недовольный,

И что-то дорогой ворчалъ...
Но это письмо захотите,
Быть можетъ, вы сами прочесть? —
Оно передъ вами, — смотрите,
Какъ много безумья въ немъ есть :

« *Они* меня мучили долго,
« Любовь называя мечтой ;
« Сказали : тебя позабылъ онъ,
« Давно уже занятъ другой....
« Шли годы ; ни вѣсти, ни слуху,
« Какъ будто ты умеръ, мой другъ ;
« Язвили и гнѣвъ, и насмѣшки
« Больной, ослабѣвшій мой духъ....
« Явился женихъ мнѣ богатый,
« Съ холоднымъ и рѣзкимъ лицомъ....
« Просили меня, умоляли, —
« И мы помѣнялись кольцомъ.
« Я гибла, не видя отрады,
« Не видя спасенья ни въ чемъ.
« Я думала : все измѣнило,
« Во всемъ обманулась, во всемъ !
« Но здѣсь ты ! душа оживаетъ....
« О, если ты любишь меня, —
« Приди ! Я давно ожидаю,
« Съ безумной надеждой тебя.
« Приди же ! на все я готова,
« Съ тобою повсюду пойду.

«Спаси, пока есть еще время!...

«Отъ *нихъ* ничего я не жду»....

Съ какою тоской и волненьемъ,

Бѣдняжка отвѣта ждала!

А, вотъ, и старикъ воротился....

О, что-то судьба ей дала!

Онъ въ комнату медленно входитъ,

Письмо ей назадъ отдаетъ;

Она его, мрачно и молча,

Дрожащей рукою беретъ.

Ни слова, ни вздоха, ни слезки!

Поникла на грудь головой,

И только письмо безотчетно

Сжимаетъ дрожащей рукою....

Съ немилымъ ее обвѣнчали;

Цвѣты и брильянты на ней;

На свадьбѣ такъ весело, ярко,

Наѣхало много гостей.

А что же она?... Э, читатель?

Какое намъ дѣло съ тобой

До ближняго тайныхъ страданій....

Мы сами страдаемъ порой,

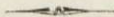
Порой, и поплачемъ украдкой,

Поропщемъ, пожалуй, подчасъ....

Да что же? Никто вѣдь не спросить

Объ этомъ съ участиемъ у насъ....

А если и спросить — что пользы? —
Въ сочувствіе вѣры въ насъ нѣтъ :
За дерзость сочтемъ мы участие —
И горекъ нашъ будетъ отвѣтъ.



A person who is not a member of the
of the society shall not be admitted
to the society unless he has been
recommended by two members of the

society and has been approved by the
executive committee of the society
and has paid the initiation fee of
one dollar and the annual dues of

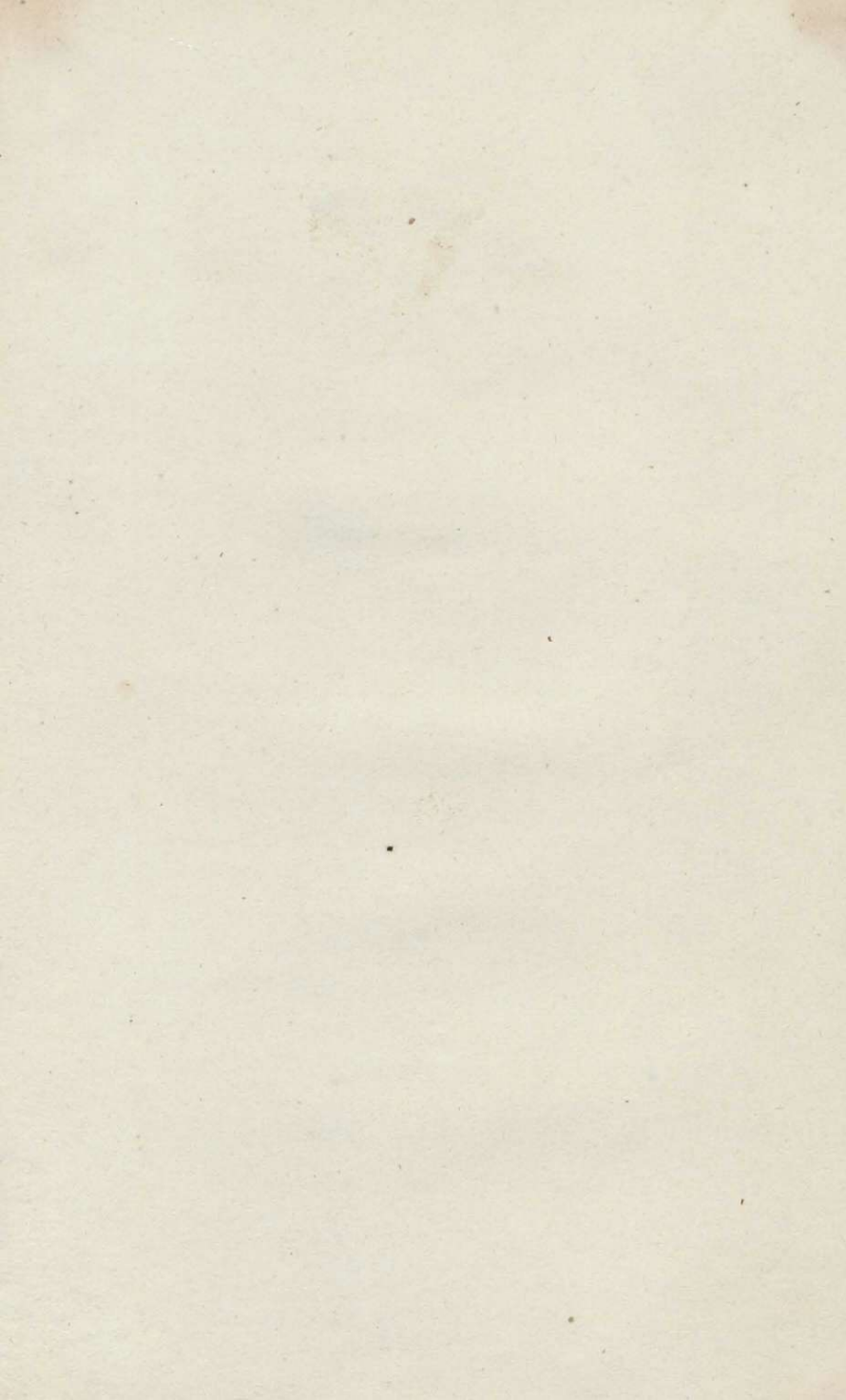
one dollar and fifty cents. The
initiation fee shall be paid to the
treasurer of the society and the
annual dues shall be paid to the

treasurer of the society at the
beginning of each year. The
treasurer of the society shall
keep a record of the names of the

members of the society and the
amount of the initiation fee and
the annual dues paid by each
member of the society.

The members of the society shall
be entitled to the use of the
library of the society and to
the use of the other property of

the society. The members of the
society shall be subject to the
bylaws of the society and to the
control of the executive committee
of the society.







A 23



2011110063